

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Ш. Б. ЧИМИТДОРЖИЕВ

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
МОНГОЛИИ
И СРЕДНЕЙ
АЗИИ
В XVII—XVIII ВВ.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

9(M)3
1462

E2-415

Ответственный редактор
Б. Д. ЦИБИКОВ

Humboldt-Universität zu Berlin
— Universitätsbibliothek —
Zweigstelle Fernstudien

200 : 80

Работа посвящена истории монголо-среднеазиатских отношений, в частности связей ойратов (западных монголов) с народами Средней Азии XVII—XVIII вв., осложненных тем, что Монголия и страны Средней Азии находились в состоянии феодальной раздробленности, вели междоусобную борьбу, а также тем, что на внешнеполитическом положении Монголии и ханств Средней Азии сказывалась цинская экспансия против них.

Работа написана на базе русских, монгольских и персидских источников.

Ч $\frac{10603-206}{103(02)-79}$ 110-79. 0504040000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

ОТ АВТОРА

В середине XVII в. Монголия окончательно распалась на три государственных образования: Северную, Западную и Южную Монголию. Политические и экономические связи между монгольскими ханствами были слабыми. В Западной Монголии вплоть до середины XVIII в. существовало сильное феодальное объединение — Ойрато-Джунгарское ханство. В северной части Монголии — три халхаских ханства, в южной — Чахарское ханство, которые в середине и конце XVII в. под натиском цинской экспансии потеряли свою независимость.

В XVII—XVIII вв. казахи и другие народы Средней Азии поддерживали оживленные связи с Западной Монголией (а через нее с другими монгольскими землями), и эти связи, безусловно, занимали важное место в истории международных отношений в Центральной Азии. Нестабильность международного положения в Центральной и Средней Азии в рассматриваемый нами период была вызвана прежде всего захватнической политикой цинской династии, которая на протяжении XVII—XVIII вв. занималась осуществлением своих планов присоединения монгольских земель и территорий других азиатских стран и народов. Монгольскому народу приходилось в труднейших условиях отстаивать свою независимость. В ходе освободительной борьбы монголы (Амарсана и др.) пытались установить союзнические отношения с казахами и иными среднеазиатскими соседями. Известны факты, когда казахи оказывали помощь ойратам во время цинского натиска в 50-х годах XVIII в. Однако действенного долговременного союза между монголами и народами Средней Азии заключено не было. Это объяснялось прежде всего часто вспыхивавшей враждой правящих кругов обеих сторон из-за пастбищ, территорий, из-за подданных,

следствием которой явились опустошительные военные походы джунгарских феодальных властителей в глубь территорий стран Средней Азии и нередко крупные военные столкновения.

Сведения о монголо-среднеазиатских отношениях в послеимперский период монгольской истории содержатся в работах В. В. Вельяминова-Зернова («Исследования о Касимовских царях и царевичах». СПб., 1864); Ч. Ч. Валиханова («Очерки Джунгарии». — Собрание сочинений. Т. 1. А.-А., 1961); В. В. Бартольда («Очерки истории Семиречья». Фрунзе, 1943); И. Я. Златкина («История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964); В. С. Кузнецова («К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном». — «Материалы по истории и филологии Центральной Азии». Вып. 5. Улан-Удэ, 1970); Н. Г. Аполловой («Присоединение Кавказа к России в 30-х годах XVIII в.». А.-А., 1948); О. Ф. Акимушкина («Введение в изучение памятника». — Ш а х - М а х м у д Ч у р а с. Хроника. М., 1976).

Необходимо отметить, что историография КНР допускает фальсификацию истории монголов в средние века и в новое время, их связей с соседними народами и странами. В изданных в 60—70-х годах в КНР трудах воспеваются феодальные методы императорской политики — территориальные захваты, провоцирование междоусобных войн, разжигание вражды между соседними государствами. Например, в статье «Из истории мира» Ши Цзюня, опубликованной в журнале «Хунци» (1972 г.), в книге «Неравноправные договоры в новой истории Китая» Гу Юня (1973 г.) и др. прославляется политика цинской династии, сумевшей путем интриг и захватов подчинить обширные территории в Центральной и Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Настоящая работа базируется в основном на материалах мусульманских источников, т. е. на материалах персидских и тюркских хроник. Основой для исследования взаимоотношений монголов с казахами и узбеками автору послужили публикации В. В. Вельяминова-Зернова [21] и Ч. Ч. Валиханова [17; 18; 19], материалы сборника «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Сборник документов и материалов» (А.-А., 1961), а также извлечения из персидских и

тюркских сочинений, вошедшие в сборник «Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков» (А.-А., 1969). При характеристике взаимоотношений монголов и узбеков использованы сведения из опубликованных узбекскими учеными мусульманских сочинений «Тарихи Салатини Мангитийа (История мангытских государей)» (М., 1962) и «История Абулфейз-хана» Абдурахман-итали (Таш., 1959). Ценный источник по истории узбеков, казахов, киргизов и ойратов и их взаимных связей в XVII в. — «Хроника» Шāх-Махмūd Чурāса [82], которая является продолжением «Та'рих-и Рашиди» [21; 71], истории взаимоотношений монголов, казахов и киргизов в XV—XVI вв.

Целью данной работы является изложение в виде ряда очерков истории монголо-среднеазиатских отношений, вернее, ойрато-среднеазиатских связей в XVII—XVIII вв. и исследование различных аспектов проблемы взаимоотношений монголов и народов и стран Средней Азии. Мы пытались критически подойти к политике феодальных кругов, стоявших во главе этих стран, объяснить причины, вызвавшие те или иные акции, их последствия.

Предложенный нами обзор монголо-среднеазиатских отношений, по существу, является первым опытом разработки этой проблемы в нашей историографии.

В ходе работы автор встретился с трудностями вследствие недостаточной источниковедческой базы. Это, естественно, отразилось на содержании работы. Автор сознает, что в его работе не все вопросы темы освещены с должной степенью аргументации. Он надеется, что его очерки послужат началом более детального исследования или исследований взаимоотношений монголов и народов Средней Азии.

ВКЛЮЧЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА В ОЙРАТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

После распада государства Чагатай в восточной его части в середине XIV в. возникло государство Моголистан (Могулистан). В литературе территория Могольского государства (Моголистана, Могулистана) часто называлась Малой Бухарией, Кашгарией и Восточным Туркестаном. Владения этого государства простирались от Иртыша и Эмеля до Тянь-Шаня и от Баркуля до Балхаша и Ферганы [44, с. 499]. Следовательно, в состав Моголистана входили район Тянь-Шаня и близлежащие территории, где жили казахи и киргизы. Границы Моголистана менялись на протяжении всего периода его существования. Длительное время Восточный Туркестан входил в государство Тимуридов, временами попадал он под власть могольских правителей, но в 70-х годах XV в. окончательно был включен в состав Моголистана. Моголистан преграждал монголам, точнее, ойрат-монголам путь на Запад, к рынкам земель сельскохозяйственных районов Средней Азии. И ойраты начали с ним борьбу за торговые пути, за выход к рынкам сбыта и источникам снабжения. Кроме того, как правильно отмечал И. Я. Златкин, имелись и другие факторы, объясняющие движущую пружину ойрато-моголистанской вооруженной борьбы, например стремление феодалов обеих сторон расширить сферу феодальной эксплуатации путем увеличения подвластной им территории и числа подданных, захватить военную добычу и т. д. [33, с. 43].

В начале XVI в. моголы были вытеснены киргизами из района Тянь-Шаня. В XVI—XVII вв. владения Могольского государства ограничивались рамками Восточного Туркестана с центром в г. Яркенде. Как пишет О. Ф. Акимушкин, в XVI—XVII вв. в состав этого государства входили города Кашгар, Янги-Хисар, Уч, Аксу и Хотан с прилежащими округами, а также Бай и Ку-

сан (Куча). На Чалыш и Турфан временами распространялась власть яркендского хана [5, с. 12].

Восточная часть Моголистана (Чалыш, Турфан) пользовалась значительной самостоятельностью, часто выходила из-под контроля всемогольского хана, сидевшего в Яркенде.

Следовательно, в тот период сильного централизованного могольского государства не было. Междоусобицами в Моголистане пользовались киргизы и ойраты. Киргизы с конца XVI в. не только усилили набеги, но и начали проникать в северо-западные и северные районы Восточного Туркестана. В начале XVII в. они сделались предметом особых тревог наместников Кашгара, Уча и Аксу. Правители Яркенда пытались отражать натиск киргизов, однако, занятые борьбой с владельцем Чалыша и Турфана, не сумели сдержать этого натиска. О. Ф. Акимускин отмечает, что движение киргизов сопровождалось их массовым переселением в пределы Восточного Туркестана [5, с. 130].

В 20—30-х годах XVII в. киргизы осели в районах вокруг Кашгара и к югу от него до Янги-Хисара, признав над собой власть правителей Яркенда. Последние увидели в киргизских родах и племенах силу, способную укрепить ханскую власть, и решили использовать ее. Киргизские отряды были поставлены на службу ханской армии и участвовали в ее составе в походах против ойратов, а также тяньшаньских киргизов. Со второй половины XVII в. киргизские феодалы уже участвовали в решении политических вопросов, важных для Восточного Туркестана. Их назначали на крупные государственные и военные должности, что не могло не сказаться на политической жизни страны. В Восточном Туркестане значительным влиянием пользовалось мусульманское духовенство, которое в то время состояло из двух враждебных друг другу религиозных сект (белогорской и черноморской). Киргизы в основном поддерживали белогорских ходжей.

«Хроника» Шāх-Махмūd Чурāса служит одним из основных источников по истории взаимоотношений Восточного Туркестана и Западной Монголии в XVII в. и характеризует все более, начиная с 40-х годов XVII в., настойчивое вмешательство ойратов во внутренние дела Восточного Туркестана.

Известно, что процесс проникновения ойратов в Восточный Туркестан до его окончательного подчинения слабо изучен. Правда, в трудах В. В. Бартольда, Ч. Ч. Валиханова и И. Я. Златкина освещаются некоторые события, обусловившие присоединение этого края к Джунгарии. Однако история присоединения, подчинения этого края ойратами пока не написана. Опираясь на источники, прежде всего на «Хронику» Шāх-Махмūd Чурāса [82; 73], мы попытаемся в какой-то степени раскрыть картину ойратских вторжений в Восточный Туркестан, которые в конечном счете завершились его подчинением.

С середины XVI в. Могольское государство стало клониться к упадку. На него оказывали давление киргизы, казахи, а также узбеки, которые приступили к созданию и укреплению собственной государственности. Внутри государства обострились противоречия, усилилась междоусобная борьба, в ходе которой борющиеся группировки прибегали к помощи ойратских феодалов.

Междоусобицы усугублялись вмешательством мусульманского духовенства, представителями которого возглавили две враждебные религиозные секты — белогорцев и черногорцев. Поддерживая ту или иную из враждебных группировок светских феодалов, руководители сект преследовали свои собственные цели, стремились упрочить свои политические и экономические позиции, активно участвуя в борьбе за передел земель и за приобретение еще большего контингента эксплуатируемых. Светская знать нуждалась в поддержке ходжей, которые почитались как потомки пророка и пользовались влиянием на население. Жители Восточного Туркестана разделялись на две группы в зависимости от принадлежности к сектам [49, с. 22]. Какими же мотивами руководствовались белогорские и черногорские ходжи, поддерживая ту или иную группировку светских феодалов?

В известной нам исторической литературе на этот вопрос определенного ответа не находим. В. Кузнецов, например, считает, что белогорские ходжи наиболее явно выражали нежелание видеть сильной ханскую власть. По их мнению, хан должен быть лишь исполнителем воли высшего духовенства [49, с. 22].

Направляясь во главе своих отрядов в Восточный

Туркестан, ойратские нойоны не спешили вступать в бой на стороне пригласившего их на помощь правителя, а выжидали исхода сражения, находясь в стороне, и затем поддерживали победителя. Подобная тактика облегчала ойратам достижение собственных целей, получение экономических выгод и усиление их политического влияния на местную аристократию.

С ростом могущества ойратов, в особенности с 40-х годов XVII в., увеличиваются масштабы их вмешательства в восточнотуркестанские дела, в первую очередь в дела Чалыша и Турфана. Планомерно и настойчиво ойраты совершают набеги, которые сменяют частые крупные вторжения и разрушительные походы.

В середине XVII в., в годы правления Сенге, ойраты расширили масштабы своих походов в Восточный Туркестан, правителем которого был Абдаллах-хан.

По данным источника, Абдаллах родился от ойрат-монголки Бегим, которая была женой Абд ар-Рахим-хана. В «Та'рих-и Кашгар» говорится о вооруженном выступлении этого хана против Худабанды, узурпировавшего власть в Чалыше и Турфане. Худабанда «попросил помощи у калмаков. У калмаков был один төрә (термин „төрә“ равнозначен терминам „султан“, „удельный владетель“, „нойон“. — Ш. Ч.) по имени Дуренк-отец Бегим-Падишах. Он пришел на помощь Худабанда-хану, но помощи не оказывал, [а] стоял в стороне. Когда Абд ар-Рахим-хан и Мирза Шах одержали победу, калмакский төрә Дуренк напал на турфанское войско и ограбил [его]. Он выразил повиновение Абд ар-Рахим-хану и отдал хану свою дочь. [Абд ар-Рахим-хан] родил Абдаллах-хана от дочери Дуренк-төрә. Бегим-Падишах годы проводила в счастье и почете» [70, с. 415—416].

Абдаллах-хан окружил себя киргизскими биями, пришедшими к нему на службу со своими дружинами, и с середины XVII в. киргизы стали играть активную роль в жизни Восточного Туркестана, в его военной и политической истории. Киргизов мы видим и в составе ойратской армии конца XVII в.

Хроника «Хидайет-наме» подробно рассказывает о службе киргизов в Кашгарии и Ойратии в конце XVII—начале XVIII в. Из фактов, приведенных в ней, можно сделать вывод о многочисленности и политическом ве-

се киргизов, находившихся на службе туркестанцев и ойратов. Киргизские бии выступали на стороне тех или иных враждующих сил, а при благоприятных условиях пытались установить свое политическое господство [65, с. 136].

«Хроника» Шāх-Махмūd Чурāса дает последовательный рассказ о взаимоотношениях Восточного Туркестана и Джунгарии, об ойратских походах в Восточный Туркестан с середины до 70-х годов XVII в.

В 40—50-х годах XVII в. Абдаллах-хану удавалось с трудом отражать ойратские набеги, например нашествия, которые возглавили военачальники Сумэр, Конджин и Серен, в Аксу и на Керию. «В то время как хан отправился на охоту в Янги-Хисар, со стороны калмаков пришли Конджин, Серен и Сумэр и напали на [удельное] владение Хотан. Мухаммад-Мансур-бек, возглавив войска, вышел из крепости. Между противниками произошла жестокая сеча... Благодаря мужеству Ибрахим-султана владение Хотан избавилось от неверных. Хан, поставив во главе войск Шах-Мансур-бека и Субхан-Кули-бека, отправил их в погоню за калмаками. Эмиры калмаков не догнали и возвратились через Баки-Дун» [82, с. 212].

В следующем году Сумэр и Серен напали на Аксу, захватили пленных и добычу. Однако на обратном пути сами ойраты понесли потери. В сражении Серен был ранен в ногу, в результате чего и получил прозвище «аксак Серен» («колченогий Серен»). В 1656 г. наместником Яркенда становится Мухаммед Мумин-султан, которого мусульманские источники называют «столпом государства Абдаллах-хана». Узнав о нападении ойратов на Керию, яркендский наместник отправился в поход, отговорив от этого Абдаллах-хана [73, с. 385].

В течение одного года ойратские войска неоднократно совершали набеги на Керию — с востока, на Чалыш (Карашар) — с северо-востока, на Аксу и Кашгар — с севера.

По сведениям источников, с конца 50-х годов Абдаллах-хан и его наместники все чаще терпели поражения. В качестве примера приведем неудачный поход Абдаллах-хана против ойратов в Атбаши, в районе Аксу, когда в тылу войск хана, уже перешедших перевал Бугач и достигших р. Аксай, неожиданно объяви-

лись Ибрахим-хан, Хасан-бек и Чучкин, сын ойратского Элден-тайджи [82, с. 227].

Здесь уместно остановиться на отношениях между Абдаллах-ханом и его братьями Ибрахимом и Исмаилом. Абдаллах подозревал братьев в подготовке заговора против него и потому сослал Ибрахима в Чалыш. Но и после этого хан чувствовал себя весьма неспокойно. «До тех пор, пока Ибрахим-хан находился в Джалише, [Абдаллах-]хан не мог спокойно выпить и глотка воды, чтобы не подумать о походе на Джалиш. [В результате] он выступил, оставив в Йаркенде Мухаммад-Сиддик-халифа», — говорится в источнике [82, с. 227].

По сведениям «Хроники», Ибрахим-султан и Исмаил-султан, Хасан-бек и другие султаны ушли к ойратам. Элден-тайджи приютил у себя заподозренных в измене и изгнанных Ибрахима и Исмаила, которые затем вместе с ойратами и выступили против Абдаллах-хана.

Произошло крупное сражение. Рядом с ойратскими полководцами Сереном, Элден-тайджи находились названные султаны. Во главе войска противника стояли Абдаллах-хан и его сын Нур-ад-Дин. «Серен осадил Нур-ад-Дин-хана, а другие [калмаки] преследовали хана и войско. Только появилось калмакское войско, как Ташлан-бек и Акбарак-бек, расстроив боевой порядок, обратились в бегство. Все ударились в бегство. Войска сразу же рассеялись в полном беспорядке... Хан выступил против калмаков. Лошади у войска до такой степени отошали и ослабли, что многие из воинов ехали верхом на быках. По сей причине большая часть войска не отправилась вместе с ханом. Хан с меньшей частью [своих] войск пошел на врага... Враг наседал. Хан в сопровождении мирзы Хайдар-бека и Идрис-бека бежал. Калмаки пустились преследовать» [82, с. 228—229]. Нур-ад-Дин освободился из плена, оставив заложниками трех эмиров. Абдаллах-хан в утешение ему пожаловал владение Кусан, а сам удалился в столицу Яркенд.

Среди ойратских военачальников, активных участников туркестанских походов, упоминаются Сенге, занявший в 1653 г. трон ойратского правителя, и Галдама, сын хошутского Очирту-хана. Галдама, согласно ойратским летописям, вступил на военное поприще, будучи

семнадцатилетним юношей, и проявил себя как талантливый полководец. Он успешно сражался с бурутами (киргизами), казахами, бухарцами. Об одном сражении, выигранном Галдамой, так повествуется в монгольской летописи «Биография Зая-Пандиты»: «В первых числах белого месяца в год собаки (1658 г.) бухарский полководец Абуду-Шукур прибыл в Талас (на реку Талас) с 38 тыс. войском. Галдама в это время находился на границе, налегке собрал 3 тыс. войско и напал врасплох на него... убил Абуду-Шукура. В это время 300 передовых воинов, прибывших прежде его под предводительством Шак-ходжа, Галдамой взяты в плен, которые по два на одной лошади препровождены в Цаган-балгасун» [47, с. 178]. Галдама не раз совершал успешные походы в Восточный Туркестан, приходил в Аксу, Кашгар. В «Хронике» Шāх-Махмуд Чурāса говорится о том, как он совершил нападение на Аксу, где одержал победу над Нур-ад-Дином, как вторгся в Кашгар, где учинил разорение, как захватил крепость Карадун (в ходе сражения за крепость был убит один из помощников Галдамы — сын хошутского Аблай-хана), и, наконец, о том, как Галдама бился с объединенными войсками Кашгара и Яркенда на равнине Илдыран (на северо-востоке от Кашгара) [82, с. 231—232].

В 1664 г. правитель Сенге-гайджи во главе 5 тыс. отборных бахадуров (баторов) сражался под Керией: «Сенге трижды бросался в сражение — сражение столь яростное, что [от столкновения войск] горы сдвигались с мест» [82, с. 233]. Хотя сражение не принесло Сенге успеха, ойраты вскоре добились победы в иной области.

В ходе батальи или после нее между Абдаллах-ханом и сыном его Юлбарсом возникло взаимное недовольство. Юлбарс еще в восьмилетнем возрасте стал наместником Кашгара и исполнял свои обязанности 30 лет. Источник не сообщает причины разлада между отцом и сыном. Правда, в нем есть сообщение о том, что «по своей природе он (т. е. Юлбарс. — Ш. Ч.) имел склонность к насилию и смуте. Жители Кашгара обеднели, пребывали в расстроенном и несчастном положении. О людях ратных же он пекся, но вместе с тем наказывал по малейшему подозрению» [82, с. 234]. Киргизы и ойраты, которых источник называет карайанчуками, в Кашгаре «взяли великую силу. Люди благо-

родные сносили обиды, а злоба и непослушание засели в их голове» [82, с. 234].

Не стремился ли Юлбарс к получению большей самостоятельности и свободы, опираясь не только на киргизов, но и на поддержку ойратов? Не думал ли он о сепаратном мире с последними ради усиления своего влияния, возможно даже захвата власти на родине?

Взаимное недовольство, возникшее между ханом и его сыном, вскоре переросло в междоусобицу. Коалиция Абдаллах-хана и другого его сына, Нур-ад-Дина, против Юлбарса торжествовала победу. В 1665 г. Юлбарс бежит на ойратскую территорию, к Сенге. Поддержанный Сенге и Очирту-ханом, он воевал в Хотане, около Керии, с Нур-ад-Дином, ставшим теперь наместником Кашгара. Сохранилась нелестная характеристика нового правителя: «Когда Абдаллах-хан пожаловал также Нур ад-Дину и владение Кашгар, тот обосновался в Кусане. День и ночь он проводил за вином... Насилие, произвол и резня поставили народ в столь тяжкие условия, что [их] просто невозможно описать» [82, с. 237—238].

Автор «Хроники» выражает сожаление об этом, замечая, что «в то время, пока [Нур-ад-Дин]-хан находился в Аксу, он постоянно общался с улемами, заботился о подданных, ходил походами против калмаков, сражаясь за веру и добывая добро» [82, с. 238].

Эти строчки вносят некоторую ясность в раскрытие сути конфликта. Видимо, ханская семья раскололась на два враждующих лагеря не без помощи религиозных сект. Юлбарс при поддержке ходжей белогорской секты хотел ослабить сильную ханскую власть. О близости его с белогорцами говорит и сам факт победы Юлбарса в 1667 г. над Абдаллах-ханом благодаря поддержке ойратов и Аппак-ходжи, главы белогорцев.

Летом 1667 г. на 31-м году жизни умер Нур-ад-Дин. После его смерти Юлбарс-хан при поддержке ойратского Очирту-хана напал на Кашгарию. Жители Ар-туджа и Аргу вышли навстречу Юлбарсу. Но, не сумев взять крепость Кашгар, он отступил вместе с пришедшими к нему людьми.

В это время при Абдаллах-хане состояли в основном киргизы. Хан стал крайне подозрительным, никому не доверял. Киргизы ходили в поход против Юлбарса, но

безуспешно. Видя, что возможности сохранить трон невелики, Абдаллах-хан в сопровождении родственников, домочадцев и свиты направился в 1667 г. из Кашгара через Балти в Кашмир (20 марта 1668 г. Абдаллах-хан прибыл в столицу Индии Шах-Джаханабад и был принят императором Аурангзебом. Абдаллах прожил в столице 8 месяцев, затем отправился в Мекку через порт Сурат. Из Мекки вернулся он в 1670 г. Умер Абдаллах-хан в Шах-Джаханабате 30 октября 1675 г. в возрасте 67 лет. В Восточном Туркестане он правил с 1635 по 1667 г.). Страна оказалась без хана.

После бегства Абдаллаха вопрос о том, кто наследует ханский трон в Восточном Туркестане, фактически решали ойратские феодалы, в среде которых имелись две соперничавшие группировки. Каждая из них выдвигала своего ставленника. Группа, возглавляемая Сенге и Очирту-ханом, хотела видеть на престоле Юлбарс-хана, а группа, которую возглавил Элден-тайджи, — Исмаил-хана.

Вот как описывает источник события в Восточном Туркестане после ухода Абдаллах-хана. Ходжи, беки собрались в Аксу и договорились обратиться к ойратскому Элден-тайджи с просьбой привести находившегося у него Исмаила и провозгласить его ханом. Когда Исмаил явился в Аксу в сопровождении Элдена и его сына Элпу, «эмиры толпа за толпой приходили на поклон к хану. Государство устроилось» [82, с. 240]. Автор явно симпатизирует Исмаилу, называя его ханом государства еще до его прибытия в Яркенд. В это же время в Яркенде появился Юлбарс. У крепости Пай-Кобак, вблизи Кашгара, произошло жестокое сражение между Исмаил-ханом и Юлбарс-ханом. Исмаил вынужден был вернуться в Аксу. И «собрались сановники и вельможи из Йарканда и Кашгара и провозгласили Юлбарс-хана государем... Однако в [своих] продуманных действиях он допустил промах. Поскольку по натуре был склонен к жестокости, он приказал перебить оставшихся в Йаркенде членов семей, включая женщин и малых детей, тех людей, которые уходили в Аксу» [82, с. 242].

Следовательно, Восточный Туркестан попал в полосу крупной междоусобной борьбы, в стране складывается такое положение, когда объявились два хана, поддержанные соперничавшими ойратскими группировками.

Юлбарс-хану удалось утвердиться в Яркенде и Кашгаре благодаря помощи Сенге и главы белогорской секты Аппака. Однако ему постоянно угрожал Исмаил. Под впечатлением серий неудач, которые Юлбарс-хан потерпел в сражениях с Исмаилом, он решил отказаться от престола. Тогда Сенге, покровительствовавший до этого ему, «отдал царство младшему сыну Йулбарс-хана, которого звали Абу Саид-султан, его аталыком он поставил мирзу Али-шаха... Эрка-бека он отправил с отрядом в тысячу человек на охрану государства» [82, с. 243].

Как видим, ойратский правитель открыто вмешивается в дела престолонаследия. Вероятно, Сенге чувствовал себя в Яркенде и Кашгаре полновластным хозяином. Назначив на ключевые посты в государстве верных людей и оставив в Яркенде ойратский отряд во главе с Эрке-беком, Сенге возвратился в свой улус. В «Хронике» Шāх-Махмūd Чурāса имеется специальная глава (с. 245—247) об Эрке-беке, уроженце Сайрама, который 21 год находился на ойратской службе при Батур-хунтайджи и Сенге. По словам автора «Хроники», Сенге поднял Эрке-бека из пыли ничтожества и возвеличил. Эрке-бек неоднократно проявлял мужество и отвагу в военных походах, в частности в чахарских и русских походах, организованных Сенге.

Источник повествует об одном набеге Эрке-бека на русскую крепость: «Он напал на крепость и привел защитников крепости в крайне тяжкое положение. Среди урусов (русских.— *Ш. Ч.*) было некоторое число подданных Сенге. Они забрали у них выходящие за пределы счета подношения. Эрка-бек возвратился из того похода с новой победой и несчетной добычей. Выделив долю из захваченных военных припасов, оружия, дорогих вещей, красного товара и тканей — словом, из всякого рода добычи по девятке, он послал [ее] Сенгэ» [82, с. 246]. За участие во втором чахарском походе Эрке-бек был повышен в чине. Ездил он во главе ойратских посольств в Китай и Тибет. Вскоре после этого похода, в 1669 г., в своем улусе Сенге был убит заговорщиками. А Эрке-бек и Али-шах убили в 1670 г. в Яркенде Юлбарс-хана (ему был 41 год), царствовавшего в Яркенде всего один год.

Так на трон всетуркестанского хана остался один реальный претендент — Исмаил-хан, которого поддерживала группа ойратского Элден-тайджи. 2 апреля 1670 г. во главе своего отряда Исмаил вступил в Яркенд. Его сопровождал сын Элдена Чучкин.

Таким образом, борьба, которую вел Исмаил за ханскую власть, заручившись поддержкой черногорского ходжи Мухаммед Абдаллаха и ойратского князя Элдена, увенчалась успехом. Исмаил стал ханом Восточного Туркестана и правил страной до 1679 г.

Став ханом, Исмаил активно боролся с белогорскими ходжами (которых возглавлял Аппак), посягавшими на ханскую власть. Оказавшись не в состоянии противостоять хану, Аппак-ходжа вынужден был покинуть страну. Он решил призвать на помощь ойратского правителя Галдан Бошокту-хана. Но чтобы связаться с ним, ходжа избрал наиболее безопасный путь: он отправился в Тибет к Далай-ламе. Белогорский ходжа и Далай-лама нашли общий язык. С письмом Далай-ламы отправился Аппак к Галдану. В письме говорилось: «О, Шибур-хан! Аппак — великая личность, которую Исмаил изгнал из Кашгара. Вам надлежит послать войско, чтобы восстановить его положение» [49, с. 22]. Однако это послание нельзя рассматривать как непосредственную директиву Лхасы, потому что ойратский правитель не был ставленником ламаистской верхушки Тибета.

Галдан без особого сопротивления занял Яркенд, сверг Исмаила и посадил Аппака на ханский трон. Сын Аппака Яхья стал правителем Кашгара. Ойраты увели Исмаила в г. Кульджу, который стал местом постоянного жительства плененного семейства хана. Это произошло в самом конце 70-х годов XVII в. В «Биографии Зая-Пандиты» имеется сообщение о том, что в 1679 г. Бошокту-хан провел лето в Куку-Гуя и что в новом году организовал поход на яркендцев и покорил их [47, с. 168].

Следует отметить расхождения в сведениях источников и исторической литературе относительно датировки завоевания Восточного Туркестана. Одни источники называют 1678—1679 гг., а другие — 1680—1683 гг. Видимо, это вызвано тем, что в 70—80-е годы ойратские войска не раз приходили сюда для закрепления достиг-

нутых успехов и окончательного подчинения этой страны.

Восточный Туркестан, таким образом, был превращен в зависимую от ойратов территорию. Подчинение его ойратам и явилось прежде всего результатом внутренней разобщенности и междоусобной борьбы. Нельзя признать правильным утверждение И. Я. Златкина о том, что одной из причин подчинения Восточного Туркестана хану Джунгарии являлось вмешательство руководителей ламаистской церкви в Тибете [33, с. 252]. Известно только *одно* послание Далай-ламы Галдану, и вряд ли справедливо поэтому утверждать, что завоевание Восточного Туркестана было результатом вмешательства тибетских духовных иерархов.

Джунгарское господство в Восточном Туркестане ознаменовалось установлением в стране теократического режима. Ходжи, управлявшие страной от имени ойратских ханов, сосредоточили в своих руках и светскую и духовную власть. Завоеватели сохранили институт хакимов — правителей городов и систему судопроизводства, но осуществляли строгий контроль над местной администрацией. Представление о принципах управления Восточным Туркестаном дает нам один из указов Галдан Бошокту-хана: «Всякая тяжба между Елетским и Хотанским народами должна быть в точности исследована. Мы даруем сему союзному с нами поколению его права, как сродникам нашим. Все Бухарские хотаны должны иметь суд собственно между собою, но важнейшие дела следует решать нам» [38, с. 60—61].

Джунгарские правители ввели в практику регулярные вызовы ходжей в свой улус, систему заложничества. Многих заподозренных в неблагонадежности феодалов с их семьями и крестьянами уводили на поселение в Джунгарию.

Джунгария и Восточный Туркестан различались по уровню социально-экономического развития и характеру хозяйственной деятельности. Жители Восточного Туркестана, большинство которых составляли уйгуры [45, с. 14], занимались земледелием, а население Джунгарии — скотоводством.

К. Маркс указывал: «При всех завоеваниях возможен троякий исход. Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (напри-

мер, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (например, турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)» [1, с. 723—724]. Ойратские завоеватели сохранили в Восточном Туркестане прежний способ производства и ограничились в первое время взиманием дани. При Галдан Бошокту-хане была установлена дань в размере 1 танга (тэнгэ) с человека в год. Восточный Туркестан ежегодно платил дань Галдан-хану и Цеван-Равдану в размере 100 тыс. танга [30, с. 66]. Однако при Галданцере (1729—1745) размеры дани значительно увеличились: 100 тыс. танга в год вносил только один Яркенд, а Кашгарский округ—67 тыс. танга, 40 898 батманов зерна, 1463 чарика хлопка и 365 чариков шафрана [30, с. 78].

Восточный Туркестан имел огромное экономическое и стратегическое значение, ибо он стоял на подступах к среднеазиатским ханствам и располагал значительными запасами природных ресурсов, ископаемых богатств. Большие запасы золота находились в районе Яркенда. «Золото вымывается в селении Карья в таком количестве, что жители подать свою оплачивают этим металлом и имеют возможность продавать его в частные руки», — писал позднее Чокан Валиханов [18, с. 15]. Хунтайджи могли рассчитывать и на такое сырье, как горючая сера и селитра, которые шли на изготовление пороха. Из Восточного Туркестана можно было получать красивые материалы и хлопчатую бумагу. Здесь были благоприятные условия для развития не только земледелия, но и скотоводства. Поля Восточного Туркестана давали богатые урожаи пшеницы, ячменя, риса и кукурузы [8, с. 162]. В результате завоевания этого края ойраты в значительной степени смогли удовлетворить свою нужду в хлебе и ремесленных изделиях, недостаток которых ощущался в тот период из-за политики цинского императора Сюань Е, правившего под девизом Канси, политики, направленной на ограничение ойрато-китайской торговли. Ойратские правители насаждали земледелие в Джунгарии, переселяя туда некоторую часть восточнотуркестанского населения. Возникают земледельческие оазисы в Или,

Тарбагатае и в других местах. Русский посол И. Унковский, побывавший в начале 20-х годов XVIII в. в Джунгарии, констатировал развитие земледелия в этой стране. Он, например, писал, что у р. Коргоса бухарцы продавали ячмень и вино [32, с. 30]. Один из первых земледельческих центров возник на территории отока Абагэс-Хадань. Точных данных о переселенцах нет, встречаются лишь указания на то, что в Джунгарию переселили несколько тысяч жителей Восточного Туркестана. Массовое переселение из этого края покоренного населения осуществлялось при Цеван-Равдане [49, с. 25].

Завоевание Восточного Туркестана дало ойратам прекрасную торговую клиентуру в лице бухарцев, связанных как с русской Сибирью, так и с Западным Китаем. Расширились торговые связи Джунгарии с рынками соседних стран. Через Восточный Туркестан шел давно установившийся Теректинский путь, по которому торговые караваны могли ходить из Средней Азии в Китай. Бадахшанский путь связывал Восточный Туркестан с Бухарой. Благодаря завоеванию для ойратов открылись пути в Тибет и Индию (через Каракорумский проход). Город Аксу был связан двумя дорогами со многими городами Восточного Туркестана и Заилийским краем.

Следовательно, в результате подчинения Восточного Туркестана Джунгария расширила пределы своей территории, получила важный плацдарм для организации сопротивления маньчжурским завоевателям, а также для осуществления своих планов в западном, среднеазиатском направлении. Восточный Туркестан был превращен в источник сырья и стал играть роль поставщика земледельческой продукции, ремесленных изделий и рудных богатств для нужд ойратов, и, наконец, восточнотуркестанские феодалы, прежде всего представители духовенства, и купцы стали принимать участие в политических и экономических делах Джунгарского государства.

ОЙРАТО-УЗБЕКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В конце XV в. началось завоевание кочевыми узбеками Средней Азии, и в начале XVI в. (1499—1510 гг.) Мухаммед Шейбани-хан, завоевав государство Тимуридов, стал владельцем государства Шейбанидов, простиравшегося от Сырдарьи до Центрального Афганистана.

Ко времени появления в Средней Азии кочевников-узбеков население ее состояло из таджиков и тюркоязычных народов. Эти кочевники, завоевавшие в XVI в. Мавераннахр (*Мавераннахр* — арабское название среднеазиатских земель, лежащих между реками Амударьей и Сырдарьей. В буквальном переводе означает «то, что за рекой», «заречье»), дали узбекскому народу свое название, хотя узбекский народ складывался в течение веков и в него вошли не только кочевые узбеки, но и оседлые народы — потомки согдийцев и хорезмийцев, таджиков и тюркоязычных народов, населявших Мавераннахр еще с глубокой древности [44, с. 500—503; 24, с. 368].

Историю установления и развития узбеко-монгольских отношений можно проследить в общих чертах по персидским и тюркским источникам начиная с первой половины XV в., когда во главе кочевых узбеков в Восточном Дашти-Кипчаке стоял Абулхайр-хан.

В узбекских источниках, содержащих историю Шейбанидов конца XVI и начала XVII в., продолжают упоминаться ойраты. Частое появление монголов на границе узбекских владений в начале XVII в. объяснялось успехами их борьбы с казахами.

Узбеки в XVII в. не были непосредственными соседями ойрат-монголов. Между ними лежали территории, населенные уйгурами, киргизами и казахами.

Узбекско-ойратские связи не были сколько-нибудь регулярными, и чаще всего носили опосредованный характер.

В непосредственные отношения с узбеками ойраты входили только в тех случаях, когда ойратские войска, одержав победы над киргизами и казахами и подчинив их территории, приходили в области, заселенные узбекскими племенами, в Фергану, в район сырдарьинских городов и в другие районы, стремясь установить над ними свою власть.

В «Истории Узбекской ССР» [44, с. 552] ойраты охарактеризованы как «многочисленный, сильный кочевой народ», обитавший на территории между Сибирью и Кашгаром и от Алтая до р. Или. Но авторы допускают неточность, называя их народом тюрко-монгольского происхождения, тогда как в исторической литературе они известны как одна из ветвей монгольского народа, как западные монголы.

В зиму 1603/04 г. ойраты совершили нападение на Хорезм. При хане Мавераннахра аштраханиде Имамкули (представители династии Аштраханидов, сменившие Шейбанидов на рубеже XVI—XVII вв., были потомками тех Чингисидов, которые после распада Золотой Орды основали ханство в Астрахани. Когда Иван Грозный присоединил Астрахань [Аштрахан] к Русскому государству, ханская династия бежала в Мавераннахр и породнилась там с ханской династией Шейбанидов) выступления ойратов против Мавераннахра усиливаются. В «Тарихи Муким-хана» содержится описание сражения 1613 года за Ташкент между войсками Имамкули-хана и ойратами и казахами. С 1598 г. город находился в руках казахов. Утвердившись на престоле в Бухаре, Имамкули-хан решил вырвать Ташкент из-под власти казахов и вновь включить его в состав своих владений. Союзниками казахов в этой борьбе были ойраты. Здесь следует сказать, что ойраты в начале XVII в. вели вооруженную борьбу с казахами, причем одной из основных ее причин был спор из-за Ташкента. По-видимому, открытая угроза Имамкули-хана, его вооруженное выступление с целью захвата города объединили враждующие силы ойратов и казахов. По данным источников, взаимоотношения казахов и ойратов с начала XV в. до 30-х годов XVI в. были мирными, но с этого времени двухвековая история ойрато-казахских отношений становится богатой конфликтами.

Имамкули собрал многочисленное войско и отправился в поход против, как сказано в «Тарихи Муким-хана», «киргиз (т. е. казахов. — Ш. Ч.) и калмыков, привыкших в прежние времена к дерзости и грабежам». В результате сражения победа досталась войскам этого хана, который проявил крайнюю жестокость к побежденным. «От границ Туркестана до крайних пределов Ашпары и гор Каратага они убивали, вязали и ранили неприятелей, именно киргиз и калмыков, — говорится в указанном источнике, — и тем самым учинили им великое наказание и наставление. Они старались и прилагали усилие к тому, дабы от тех неверных, — проклята над ними, — не осталось и следа» [61, с. 143]. Термин «неверные» прежде всего имеет отношение к ойратам-буддистам. Казахи в начале XVII в. были уже, как жители Мавераннахра, мусульманами. Правда, между сектами ислама шла своеобразная борьба.

Правителем Ташкента был назначен сын Имамкули-хана Искандер-хан, которого вскоре убили ташкентцы. Тогда Имамкули-хан устроил кровавое побоище в Ташкенте. По его приказу воины «обратили меч на старых и молодых, и была такая жестокость, что подобной не запомнит мир» [64, с. 144]. Так была восстановлена власть Мавераннахра в Ташкенте.

В связи с событиями в Ташкенте хотелось бы остановиться на роли городов, расположенных по среднему течению Сырдарьи, в истории Узбекистана, Казахстана и соседних стран, ибо этот вопрос непосредственно связан с проблемой взаимоотношений кочевых и оседлых народов. Города Сыгнак, Саурен, Туркестан, Отрар, Сайрам, Аркун и др. назывались также городами Туркестана, ибо бассейн среднего течения Сырдарьи носил название «Туркестан». К туркестанским городам примыкал Ташкент.

Сырдарьинские города играли важную роль как торговые посредники между кочевниками, каковыми являлись казахи и ойраты, и среднеазиатским оседлым населением. Торговля скотоводов-кочевников с населением земледельческих районов способствовала развитию как ремесленного производства (спрос нужно было удовлетворять), а вместе с тем городской жизни, так и земледелия (спрос на зерно предъявляли и кочевники, и население городов) [60, с. 27]. В свою очередь, осед-

ло-земледельческое население получало от кочевников необходимое сырье и продукцию скотоводства.

Следовательно, присырдарьинские города и Ташкент, будучи торговыми центрами, играли большую роль во взаимоотношениях казахов, узбеков и ойратов в XVI—XVIII вв. Кроме того, район Сырдарьи с указанными городами имел значительное стратегическое значение, потому что он как бы прикрывал подступы к Бухаре, Хорезму и другим южным областям Средней Азии.

Сырдарьинские города являлись яблоком раздора для казахских и узбекских феодалов, причиной очень многих сражений между ними. Следует сказать, что в эту борьбу активно включалось третье заинтересованное лицо — Джунгарское ханство. С середины XVII в. ойраты начинают совершать крупные военные походы на Сырдарью.

Походы 1681, 1683, 1684 годов были успешными для ойратов: они захватили ряд городов. В 1684 г. ойраты увели часть городского (видимо, торгово-ремесленного) населения Сайрама на Или, а затем в Восточный Туркестан.

Об этих событиях достаточно подробно рассказано в «Та'рих-и амнийя». Автор этого сочинения Молла Муса, использовавший мусульманские источники и написавший свой труд в конце XIX в., сообщает, что 200 лет назад воцарился в Или «нечестивый калмак по имени Кунтаджи (хунтайджи. — Ш. Ч.), так что власть его распространилась на восточной границе до Комула и Баркуля, на западной границе — до Ташкента и Сайрама, на южной границе — до Карангу-Тägä» [69, с. 486]. Далее следует рассказ об ойратских походах начала 80-х годов XVII в. в районы Ташкента и Сырдарьи, подробный рассказ о пребывании ойратов в Сайраме. Хунтайджи «захватил и подчинил Ташкентский Сайрам, назначил вместо себя старшим в Сайраме одного калмака и еще нескольких калмаков оставил [ему] в сподвижники и помощники, [а сам] пришел на границы Или, сайрамцы убили упомянутых калмаков и, отвергнув повиновение, вышли из подчинения» [69, с. 486]. Узнав об этом, хунтайджи вернулся в Сайрам, во второй раз овладел им, учинив расправу над населением города. Он увел из Сайрама наиболее знатных

людей с их семьями и переселил их сначала в Или, а через несколько лет — в Турфан.

В самом начале XVIII в. под напором ойратов казахи и каракалпаки двинулись в район Ташкента. В «Убайдулла-наме» говорится, что они «из страха перед неисчислимым войском неверных калмаков покинули свой исконный юрт и положились на укрепления Ташкента» [цит. по 44, с. 559].

Движение ойратов вызвало переполох в Самарканде и Бухаре. Была объявлена тревога, войско приведено в боевую готовность. Предупреждая возможное появление ойратских частей в районе Самарканда, туда в 1709 г. прибыл Убайдулла-хан с войском. Но было получено известие о том, что ойратская армия вернулась в свои становища, разгромив казахские и каракалпакские аулы.

В 1723 г. войска Цеван-Равдана вторглись в казахские кочевья и завоевали значительную территорию, включая район Сырдарьи и Ташкент. Казахи бежали за Сырдарью, в полупустыни Бухары, Хивы и в зауральские степи. Часть казахов, откликнувшись на призыв одного узбекского князя, Раджаба, пошла на богатые области Мавераннахра, до бухарских районов. «Голодные толпы беженцев наводнили Самарканд, Бухару, Хиву, Фергану и прочие местности и ввергли в голод и оседлое население» [74].

Ойраты сохраняли за собой контроль над бассейном Сырдарьи, сырдарьинскими городами и Ташкентом до середины XVIII в., т. е. до времени цинского завоевания Джунгарии. После 1758 г. ташкентцы создали свое городское управление, и с 80-х годов XVIII в. Ташкент уже представлял собой центр самостоятельного феодального государства, которому была подчинена территория до Туркестана и Чимкента.

В начале XVIII в. единое государство в Мавераннахре распалось на отдельные самостоятельные владения, среди которых наиболее крупным было Бухарское ханство. Рядом с ним находились Кокандское ханство, Балх, Бадахшан. Возникшее еще в XVII в. Хивинское ханство в Хорезме приобретало все большее политическое значение. Ездивший в 1721—1725 гг. в Мавераннахр посол Петра I Флорио Беневени сообщал: «Все дженерально между собой драки имеют» [62, с. 379].

Ойраты, завоевавшие в 1723 г. район Сырдарьи, сырдарьинские города и Ташкент, активно вмешивались в феодальные распри среднеазиатских правителей.

Беневени отмечал значительное влияние ойратов на жизнь в Бухарском ханстве. Личная дружина хана состояла из 350 вооруженных ойратов и 150 ханазатов (выходцев из России). «А которые и здесь родились от отца и матери басурманской, и тем [хан] не весьма верит и оных одних без калмаков никого в партию не высылает», — писал Беневени [62, с. 135].

Об участии ойратских воинов в междоусобной борьбе в Средней Азии известно также из «Истории Абулфейз-хана», которая рисует картину правления Абулфейза в Бухаре в 1711—1725 гг. Во многих местах данного источника находим выражения «калмыки направились отражать врагов», «молодые калмыки, карчигае... проявили необычайное мужество», «нападение отряда калмыков на вражескую крепость» [3, с. 51, 54, 61, 83].

В ханской ставке большим весом пользовались ойратские феодалы, они принимали участие в обсуждении важных вопросов, в частности в решении военных проблем. Одним из советников и приближенных бухарского хана был ойрат Бакаул, о котором в источнике говорится: «Этот отважный муж был Бакаул калмык, который с отрядом калмыков приветствовал государя». Известен и другой факт: ханские вельможи вместе с ойратами обсуждали грядущий очередной поход против одного из узбекских правителей («Хаким, хранитель печати... отряд калмыков расположились под деревом. Они советовались об отпоре набегам узбеков» [3, с. 106]).

Итак, в первой половине XVIII в. в ходе междоусобных распрей, борьбы за преобладание в Средней Азии правители Бухары и других ханств обращались за помощью к ойратам, ставшим их непосредственными соседями.

Приведенные выше факты говорят о том, что ойраты за соответствующую мзду, возможно за признание за ними района Сырдарьи, отзывались на зов мусульманских правителей. Безусловно, ойратов устраивала феодальная раздробленность в Мавераннахре, существование нескольких враждующих государств. Возника-

ет вопрос, не было ли у ойратов замысла завоевать эти государства. Такая возможность, на наш взгляд, не исключена. Но реализация подобного плана была сопряжена со многими трудностями. Джунгария не могла не учитывать угрозы с Востока.

Известно, что в 1740 г. в Мавераннахр приходил иранский Надир-шах. На службе у него состояли ойраты. Надир-шах переселил несколько тысяч знатных людей из Бухары в столицу Ирана Мешхед. Это важное дело он поручил «начальнику Рахимкулу, калмыку» [72, с. 43]. Одно время хакимом Самарканда являлся калмык Адил-Порванчи.

Таковы некоторые отрывочные сведения, содержащиеся в известных нам источниках. К сожалению, они недостаточны для освещения различных аспектов ойрато-узбекских отношений в рассматриваемое нами время.

В связи с анализом взаимоотношений западных монголов с узбеками считаем необходимым коротко остановиться на деятельности бухарцев, выступавших в качестве торговых и дипломатических посредников во взаимоотношениях соседних народов, в частности в русско-монгольских связях.

Известно, что с далеких времен вдоль Иртыша проходил большой торговый путь из Мавераннахра в Восточную Европу. Среднеазиатские купцы сбывали свои товары в Европе и в Сибири. Среди жителей татарской Казани с XVI в. упоминаются и «тезики». Тезиками называли прежде всего таджикских торговцев, а кроме них всех людей иранского происхождения, которые составляли основной контингент торгового класса в Бухаре и в других среднеазиатских городах [80, с. 67].

У перевала через Урал со стороны Азии уже в XV в. возник торговый город Тюмень. В Казани существовали Тюменские ворота, и это определяет направление, каким пользовались «тезики» при поездках в Казанское царство [13, с. 195].

В эпоху Сибирского царства установились оживленные связи между Сибирью и Средней Азией. Тезики и бухарские купцы выступали посредниками между среднеазиатскими кочевниками и сибирскими татарами (которым доставляли лошадей), а также между Китаем, Монголией и Сибирью.

А. Чулошников отмечал, что в 90-х годах XVI в., в

годы ликвидации кучумского владычества в Западной Сибири, когда край оказался в сильном разорении, бухарские торговцы перестали ходить с товарами в Сибирь. Разрыв старых торговых связей этого края со Средней Азией, снабжавшей его очень многим из необходимого, тяжело отражался на жизни местных жителей. В такой обстановке возникла крайняя необходимость восстановить старые торговые связи путем предоставления бухарским купцам самых благоприятных и выгодных условий [80, с. 70].

Московское правительство указом от 31 августа 1596 г. предлагало местным воеводам разрешить приезжим бухарцам и ногайцам свободную и беспошлинную торговлю в сибирских городах, без всякого стеснения сроков их пребывания «до тех мест, как они товары свои испродают» [80, с. 71].

В 1596 г. из Москвы тюменским воеводам писали: «Вы б тем бухарцом и нагайцом торговым людям велели с нашими с русскими людьми и с юртовскими и ясашными татарами торговать беспошлинно... и береженье к ним и ласку держали великую» [57, с. 150]. Лишь запрещалась торговля оружием. По указу Бориса Годунова бухарских купцов всюду угощали медом и вином. Следовательно, торговля бухарцев встречала поддержку со стороны русского правительства. И бухарские торговцы стали ходить по проторенным дорогам к устью Тобола, где на месте бывлой столицы Кучум-хана возник в начале XVII в. административный центр русской Сибири — Тобольск.

Бухарская торговля получала также энергичную поддержку со стороны кочевых скотоводческих обществ, расположенных между оседлыми районами Средней Азии и сибирскими владениями России. С. Бахрушин прав, когда утверждает, что скотоводческое хозяйство далеко не могло удовлетворить всех потребностей кочевников и они должны были искать их удовлетворения либо в грабеже соседних народов, либо в торговом обмене. Отсюда заинтересованность владельцев кочевых улусов в правильном функционировании торгового аппарата [13, с. 203]. Активную поддержку торговле среднеазиатских купцов оказывали, в частности, казахи, сибирские калмыки, джунгарские правители.

Имелись две категории бухарских купцов. Первую составляли купцы, на время приезжавшие в Сибирь для торгового обмена или для посреднической торговли, вторую — осевшие в городах Сибири бухарцы, которых к концу XVIII в. насчитывалось уже более 3 тыс.

Начало переселения бухарских торговцев в Сибирь относится еще ко времени независимого Сибирского юрта (ханства). Уже тогда образовалась на берегах Иртыша бухарская колония, которая не только занималась коммерческой деятельностью, но и стала проводницей ислама и начатков мусульманской культуры среди сибирских татар [13, с. 207].

После падения Кучумова ханства наплыв бухарских переселенцев не только не прекратился, но увеличился. С. Бахрушин вслед за Витзенем считает одной из причин переселения в Сибирь бухарцев внутренние смуты на их родине. Безусловно, экономическая выгода, прежде всего развертывание активной торговли, входила в расчеты бухарских колонистов.

Приток бухарцев продолжался в течение всего XVII века и не прекращался и в XVIII в. Местом жительства бухарцев в Сибири были главным образом города Тобольск, Тюмень и Тара и их ближайшие окрестности [13, с. 208]. Бухарцы оседали также в Томске и Кузнецке. Среди них были представители разных народов Средней Азии, но большинство их составляли узбеки.

Главным занятием сибирских бухарцев, как уже было сказано, являлась торговля. Среди них встречались довольно богатые купцы, которые торговали главным образом бухарскими товарами — тканями. Помимо того, что сибирские бухарцы самостоятельно торговали, они служили агентами приезжих бухарских купцов, скупая для них русские товары. Сибирские бухарцы, объединенные в торговые компании, отправляли свои караваны в Среднюю Азию, Монголию, Тибет, Китай.

Бухарцы сыграли значительную роль в развертывании русско-ойратской торговли. Они выступали в качестве торговых посредников между русскими и ойратами. Ездили для торговли «в калмаки». Часто присоединялись для этой цели к ойратским посольствам, воз-

вращавшимся на родину. Бухарцы ездили в ойратские улусы с русскими и бухарскими товарами, а вывозили от ойратов рогатый скот, лошадей и верблюдов, овец и коз. Они привозили оттуда мерлушки, овчины, козлины, войлоки, также корень ревеня, лисьи шкуры и меха корсаков (т. е. степных лисиц), иногда шкуры «бабров» (тигров) и барсов. В Сибирь шел еще один выгодный товар — «ясырь» (рабы), приобретаемый в Монголии. В документах ЦГАДА очень часто встречаем такие выражения, как «ясырь из калмаков», «полоненный мунгальский ясырь», привезенный бухарцами; встретилась фраза: «русскими и бухарскими товарами и мягкой рухлядью торгуют и в Колмаки для торгов же ездят» [57, с. 549].

В то же время много бухарских купцов приезжали в сибирские города с ойратскими посольствами. Так, в 1647 г. с послами джунгарского Батур-хунтайджи в Тюмень прибыли 32 торговых бухарца и кашевара [57, с. 519].

В Красноярск в 1672 г. в качестве торговых представителей Галдан-хана приезжали 12 бухарцев, в 1686 и 1687 гг. — караван бухарцев и калмыков в 30 верблюдов [77, стлб. 886; стлб. 980, л. 159]. Среднеазиатские купцы регулярно приезжали с товарами к Ямышеву озеру на ярмарку, проходившую здесь ежегодно, когда к приезду тобольских служилых людей за солью сюда прикочевывали калмыки. На Ямыш-озеро «приходят многие тысячи людей, калмыки и бухарцы, и татары, и торгуют с русскими людьми», — писал Н. Спафарий [66, с. 43]. Ойратские правители энергично отстаивали интересы бухарцев, выступавших их торговыми посредниками, прибегая в случае необходимости к дипломатическому давлению Галдан-хан, например, присылал красноярскому воеводе подарки, с тем чтобы бухарцы, торговавшие от его имени, пользовались полной свободой торговли.

В 1690 г. вопрос о посылке Галданом в Иркутск «торговых людей, своих и бухарцев», был предметом официальных переговоров с послом Ф. А. Головиным. Джунгарские правители не останавливались даже перед применением военной силы для поддержания бухарской торговли.

Бухарцы пользовались, как отмечалось выше, ши-

роким покровительством московского правительства. Они высоко ценились как торговые посредники с азиатскими рынками. Они привлекались русскими властями к исполнению различных ответственных поручений, включая и дипломатические. Торговые поездки бухарцев в Монголию и другие страны нередко сопровождались дипломатическими поручениями.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МОНГОЛОВ С КАЗАХСКИМИ ЖУЗАМИ

Казахская история конца XVI — начала XVII в. богата событиями. В самом конце XVI в. войска казахского хана Таваккула (Тевеккеля) и его брата Есим (Ишим)-султана вторглись в Среднюю Азию. Туркестан и другие сырдарьинские города оказались в руках казахов и до джунгарского нашествия в 20-х годах XVIII в. находились в их руках. Как свидетельствуют источники, казахи тогда едва не подчинили себе владения Шейбанидов — Мавераннахр.

В. Вельяминов-Зернов и В. Бартольд связывают с казахским завоеванием городов на Сырдарье разделение казахов на три жуза [21, с. 382—383; 10, с. 97].

Видимо, завоевание это усилило ранее наметившуюся тенденцию хозяйственной и политической разобщенности казахов, занимавших обширную степную территорию, которая называлась Восточной Кипчакской степью (Восточной Дашти-Кипчак). Авторы «Истории Казахской ССР» (А.-А., 1957), не указывая на время образования жузов, отмечают, что в Казахстане уже издавна определились три основных хозяйственных района, в значительной мере обособленных друг от друга (Семиречье, Центральный Казахстан и Западный Казахстан).

Хроника «Шараф-наме-йи шахи», сообщает о том что в конце XVI в. казахи переживали смутное время, что у них было несколько независимых ханов (Шигай-хан, Хакк-Назар-хан и др.) [81, с. 246].

В начале XVII в. часть казахского населения оказалась в зависимости от ойратов. Вот что сообщили русские послы Т. Петров и И. Куницын, ездившие в 1616 г. в ойратские кочевья: «В Колматцкой земле ныне в подданстве и в их послушанье Казахская Большая орда да Киргизская орда» [55, с. 53; 78, 1616 г., д. 1, л. 77]. Это

первое достоверное известие о жузах у казахов, содержащееся в русских источниках.

Казахи в XVII в. не имели централизованного государства, жили в условиях экономической и политической разобщенности. Из-за феодальной раздробленности и междоусобиц они терпели поражения от сильных, агрессивных соседей. Одними из таких соседей казахов были ойраты.

Нападения ойратских феодалов на казахские земли начались в первой половине XVI в. До этого взаимоотношения казахов и ойратов в течение целого столетия были мирными [21, с. 140]. В основе начавшегося в XVI в. монголо-казахского антагонизма, по-видимому, лежали стремления обеих стран расширить свои территории за счет соседа, борьба за торгово-ремесленные центры на Сырдарье.

До XVII в., по свидетельствам источников, ойрато-казахская борьба протекала с переменным успехом. Здесь же говорилось, что часть ойратских феодалов с подчиненными им родами в начале XVII в. покинула свои родные места и двинулась в степи Южной Сибири. Пройдя через восточные и северные районы современной территории Казахстана, к 30-м годам XVII в. они достигли берегов Урала, Эмбы и Волги. Отдельные группы этих ойратов еще продолжительное время кочевали по рекам Оми, Иртышу, Ишиму и Тоболу, в соседстве с местными племенами, в том числе с казахами. История их взаимоотношений знала периоды конфликтов и периоды переговоров, торговых сделок и мирного соседства.

Первая половина XVII в. отмечена рядом крупных ойрато-казахских войн. Правитель Ойрато-Джунгарского ханства Батур-хунтайджи совершал крупные военные походы на казахскую территорию. В 1635 г. в ходе войны с казахским ханом Ишимом он захватил в плен сына его Джангира (Джахангира).

Нападения джунгарских феодалов участились в 40-х годах. В 1643 г. Батур-хунтайджи напал на южные районы Казахстана. Ему удалось захватить значительную часть Семиречья и продвинуться до р. Чу [75, с. 378, 444].

В 40-х годах Джангир уже носил титул хана. Он представлял себе всю опасность джунгарского нашествия

вия и потому обратился к правителю Бухары, которая до недавнего времени являлась объектом его набегов, с предложением заключить военный союз против ойратов. С помощью 20-тысячного бухарского войска Джангир заставил Батур-хунтайджи отступить. (В «Сибирской истории» И. Е. Фишера [75, с. 444] Джангир назван Янгир-султаном. О событиях 40-х годов И. Е. Фишер сообщает, что «Янгир-султан, освобожденный из плена, стал частыми набегами беспокоить ойратов. Батор-хунтайджи, желая отомстить ему, вторгся в казахские земли в 1643 г. во главе 50-тысячного войска и овладел двумя родами — Алат-киргизским и Токмакским».)

Однако ойрато-казахская борьба 40—50-х годов XVII в. в конечном счете принесла победу ойратам. В 50-х годах восточная часть Семиречья, а также территория между верховьями Иртыша и оз. Балхаш находились в зависимости от государства Батура [37, с. 55]. Ставка хунтайджи находилась в верховьях Иртыша. Таким образом Батур значительно расширил пределы своего государства.

Преемники Батур-хунтайджи продолжали эту политику. При его сыне Галдан-Бошокту границы Джунгарии значительно раздвинулись. Хотя основной целью хана было объединение всех монгольских земель, и прежде всего присоединение к Джунгарии Халха-Монголии, он совершал военные походы на запад и северо-запад. В начале 80-х годов Галдану удалось подчинить Восточный Туркестан, который сделался частью его государства.

Зайлийский край стал владением Джунгарии при Галдан-хане. Его ставка располагалась на р. Или. Согласно сведениям карты, составленной шведом Ренатом, джунгары кочевали по склонам гор и по верховьям рек вдоль Семиреченского Алатау, вдоль рек, впадающих в Балхаш, к северу от р. Или, на южном берегу оз. Иссык-Куль и т. д.

При Галдане ойратское войско нанесло ряд ощутимых ударов по основным районам Южного Казахстана, где находились крупные торговые центры (города Сайрам, Тараз и др.) и через которые проходил караванный путь, связывавший Казахстан с восточными рынками.

Во главе ойратского войска, совершившего успешное нападение в 1684 г. на Сайрам, стоял Цеван-Равдан, племянник Галдан-хана, будущий ойратский правитель. Во время похода Цеван-Равдан проявил себя как выдающийся военачальник. Умело используя внезапность и стремительность, джунгарские полководцы брали один за другим южноказахстанские города. Кроме того, в то время ойраты контролировали значительные территории Семиречья, которое славилось богатыми пастбищами.

В 90-х годах XVII в. Галдан-Бошокту был занят войной с Цинской империей. Война эта отвлекла внимание Галдана от казахских владений. В конце XVII в. мощь Джунгарии значительно возросла. С этим не могли не считаться противники Ойрато-Джунгарского государства. Сюань Е вынужден был признать, что Галдан, сумевший захватить Сайрам, Яркенд, Кашгар, Турфан и много других городов, а также земли бурутов (т. е. киргизов), был сильным противником [25, с. 661].

В начале XVIII в. Казахстан продолжал оставаться раздробленным. Между казахскими жузами не сложилось устойчивых экономических и политических связей. Особенно слабы были связи Младшего и Среднего жузов со Старшим жузом. Страну раздирали междоусобицы. Распри поддерживались бухарскими, хивинскими, ойратскими феодалами. Власть Абулхайра, являвшегося в 20-х годах XVIII в. ханом Младшего жуза, не распространялась на весь жуз. В Среднем жузе в это время было одновременно два хана — Семеке и Кушук. Кроме того, значительной свободой действий пользовались султаны Барак и Абулмамбет [41, с. 222].

На рубеже XVII—XVIII вв. у казахов осложнились отношения не только с ойратами, но и с русскими. Казахские отряды, состоявшие из более чем 2 тыс. человек, в 1700—1703 гг. совершали нападения на русские военные поселения в Сибири. В связи с этим сибирская администрация прибегала к ответным мерам, нанося казахам контрудары.

В начале XVIII в. внешнеполитическое положение казахов, расчлененных на три обособленных жуза, было сложным. Казахи подвергались набегам волжских калмыков, башкир, Хивинского и Кокандского ханств и, наконец, ойратских войск.

Русский посол в Бухаре Флорио Беневени, пробывший в Средней Азии с 1721 по 1725 г., доносил, что там идет постоянная война, в которой участвуют афганцы, персы, хивинцы, бухарцы, казахи, киргизы, каракалпаки и калмыки [62]. Но наиболее опасными для казахов были агрессивные действия правителей Ойратского государства.

Вести войны на два фронта — с Россией и Джунгарией — казахам было не под силу. Поэтому они отказываются от набегов на русские поселения и высказываются за мир и торговлю. Посол Матвей Городничий сообщал: «Да Казахьи же Орды посланец говорил: прежде сего ходили мы войною воеватца в Русь Тобольского уезду под слободы и многих де русских людей войною побивали, а иных де брали в полон многое ж число; а ныне же русские люди стали во оберегательстве, и когда де бывает их Казахьи орды воинской приход под слободы и на бое стали менять голову на голову» [11, с. 67].

Начало XVIII в. характеризовалось многочисленными столкновениями между ойратами и казахами [35]. Во главе казахских войск стоял энергичный Тауке-хан (умер в 1718 г.), который в большинстве случаев успешно отражал нашествия противника. Казахские феодалы, пользуясь благоприятной внешнеполитической обстановкой, нередко сами совершали набеги на ойратов, что не могло не обострять их взаимоотношений.

Бесспорен тот факт, что со времени возникновения Ойрато-Джунгарского государства в Западной Монголии политика его в отношении казахов носила в целом агрессивный характер. На протяжении всего XVII и первой половины XVIII в. казахи вели оборонительную политику, а также борьбу за возвращение потерянных территорий.

С начала XVIII в. Цеван-Равдан развернул наступление против владений Среднего жуза. Свои действия он оправдывал тем, что казахский хан Тауке допустил вероломство по отношению к ойратам, уничтожив 500 человек, которые сопровождали сына Тауке из ойратского плена, и совершив нападение на сына калмыцкого Аюки-хана, везшего в Джунгарию свою сестру — будущую жену Цеван-Равдана.

Эти данные мы находим в письме Цеван-Равдана

от 1698 г. маньчжурскому богдохану. Вероятно, сын Тауке попал в плен в ходе джунгарских операций 80-х годов. По словам Цеван-Равдана, Тауке-хан просил его ходатайствовать перед Далай-ламой об освобождении его сына. Сын Тауке отослан был в Лхасу, потом в сопровождении ойратов отправлен в г. Туркестан, где находилась ставка казахского хана. Кроме того, в письме говорилось о том, что Тауке захватил русских купцов, которые возвращались из Джунгарии в Россию [21, с. 380—381]. По словам Цеван-Равдана, он был вынужден «воевать с казахами поневоле».

Видимо, факты эти имели место. Но мы не можем сказать, в какой степени они повлияли на принятие правящей ойратской верхушкой решения идти на владения Тауке-хана — районы Сырдарьи с их богатыми пастбищами и торгово-ремесленными центрами.

В начале XVIII в. для казахов складывалось опасное положение. Настолько серьезным было ойратское наступление, что в 1710 г. в Каракумах был созван съезд представителей казахских жузов. По решению съезда было сформировано народное ополчение, которое сумело отбросить противника на восток.

Но вскоре ойраты возобновили военные действия. О сражении на р. Аягузе весной 1718 г. рассказывал русский посланник Б. Брянцев. В отписке сибирскому губернатору М. Гагарину он сообщал, что «ходило на калмык казачья войска 30 тыс. человек... были при реке, зовомой Ангус» [46, с. 22], что сражение было жестокое. Поражение потерпели казахи, прежде всего из-за несогласованности действий военачальников — Абулхайра и Каипа, враждовавших между собой. Об ойрато-казахских столкновениях сообщал И. Унковский: «С начала своего владения он, контайша, непрестанную войну имеет с Казачьей ордою, которые с каракалпаками заедине воюют, а он, контайша, содержит против Казачьей орды около тридцати тысяч, и много он, контайша, оных казаков повоевал» [32, с. 193].

Сообщения Б. Брянцева и И. Унковского дают возможность судить, сколь широкие масштабы приняла война и какие последствия имела она. Несмотря на то что с 1715 г. начались ойрато-цинские войны, Цеван-Равдан продолжал нашествие во владения Среднего жуза. Помимо этого ойратская армия во главе с пол-

ководцем Церендондовом в 1716 г. отправилась в кукурский поход.

Однако нашествия 1710—1718 гг. были своеобразной подготовкой Цеван-Равдана к более значительной экспансии в западном направлении.

Неоднократные выступления Джунгарии против казахов недалеко от русских владений вызывали беспокойство правительства России за свою Иртышскую линию. Необходимо было предупредить возможную агрессию со стороны ойратов, разведать их намерения и планы. Это задание наряду с другими было возложено на посольство И. Унковского, прибывшего в Джунгарию в конце 1722 г. Согласно указу Петра I от 19 января 1721 г. сибирская администрация должна была «не ссориться с калмыками» (т. е. ойратами) и даже стараться установить с ними торговлю.

Весной 1723 г. многочисленное джунгарское войско через горы Каратау вторглось в долину р. Талас, и Таласский район оказался в его руках. Успех этот авторы «Истории Казахской ССР» объясняют прежде всего внезапностью нападения («Казахи в это время не ждали нападения, они готовились к откочевке с зимних пастбищ» [41, с. 234]). Предание повествует, что нападение на кочевье батыра Джомарта на р. Боролдай было таким неожиданным, что не оказалось готове даже верховых лошадей. В предании рассказывается, что успевшие спастись бегством, потеряв скот, питались кореньями трав; женщины, дети и старики попадали в плен или гибли во время тяжелого, голодного пути [29]. Безусловно, внезапность иногда может решить исход сражения. Но в данном случае считать внезапность основной причиной поражения казахов, на наш взгляд, будет неверно. В конце XVII — начале XVIII в. Джунгария, как уже отмечалось, представляла собой централизованное государство, которое имело относительно сильную политическую и военную организацию и большой военный опыт. Казахи же в тот момент переживали феодальную раздробленность, междоусобицы. Этим объясняются неоднократные поражения, которые они терпели. Это было время, когда не стало Тауке-хана и ханом считался слабый и не пользовавшийся авторитетом Болат, когда за власть ожесточенно боролись султаны Каип и Абулхайр. Поражение

1723 года было началом периода «великого бедствия».

В 1724—1725 гг. джунгары захватили Ташкент и Туркестан. В докладе, прочитанном на заседании Туркестанского кружка любителей археологии 11 декабря 1900 г., говорилось: «До сих пор, в верстах в 15 к северу от Ташкента, показывают холм „Калмак-чик-кан“ (калмыки взошли): На вершине его стояли буддийские язычники, прежде чем войти в богатый мусульманский город, расстилавшийся у их ног» [61, с. 127].

Казахи вынуждены были бежать под напором джунгарских войск на юг, в центральные области Средней Азии. Тысячи казахских аулов откочевали к Эмбе, Янку и Илеку, на Орь и Уй [41, с. 234].

Вместе с казахами бежали каракалпаки, которые с конца XVII в. и до 20-х годов XVIII в. заселяли территорию по среднему и нижнему течению Сырдарьи. Они жили в тесном соседстве с казахами Младшего жуза и в экономическом и политическом отношении находились в зависимости от казахских ханов. Одна группа каракалпаков направилась вверх по Сырдарье, на юго-запад от Ташкента, вторая — ушла к Аральскому морю. В результате джунгарского нашествия произошло разделение этого народа на нижних и верхних каракалпаков: верхние попали в политическую зависимость от джунгаров, нижние до 1762 г. находились в зависимости от Младшего казахского жуза [48, с. 31; 42, с. 106].

Джунгарское нашествие 20-х годов вызвало огромные бедствия. Многие тысячи людей покинули родные места, освоенные пастбища и земли. Десятки тысяч человек попали в джунгарский плен. И. Унковский рассказывал о том, что сын Цеван-Равдана Шуно-Даба в 1723 г. пленил 5 тыс. семей казахов [32, с. 192]. Погибло много людей и скота. Нашествие это совпало с дзудом, что еще более усугубляло бедствия народа. Начались годы «великого бедствия» («актабан шубринды»).

«Преследуемые повсюду свирепыми джунгарами, киргизы (т. е. казахи. — Ш. Ч.), подобно стадам испуганных сайгаков... бегут на юг, — писал Ч. Валиханов, — оставляя на пути свое имущество, детей, стариков, домашний скarb и исхудалый скот, и останавливаются: Средняя орда — около Самарканда, Малая —

в Хиве и Бухаре... Не находя в среднеазиатских песчаных степях сытных пастбищ и вступив во вражду с новыми соседями, киргизы обращаются к границам могущественной России, чтобы искать ее помощи и покровительства» [16, с. 427].

«Великое бедствие» запечатлено во многих произведениях устного народного творчества казахского и других народов Средней Азии.

Сохранилась песня о «Великом бедствии» («Актабан шубринды»):

С вершины Кара-Тау караван.
В каждом переходе иноходец мой идет порожняком.
Так тяжела разлука с родной стороной!
Из черных глаз струятся слезы.

Что за времена настали! Время бедствий!
Озера образуют ручьи моих слез.

Что за времена настали — тяжелых притеснений!
Счастье и богатство ушло от нас,
Как тронется в путь караван, поднимается пыль
Хуже, чем бураны в декабрьский мороз... [83, с. 5].

Казахи добивались освобождения завоеванных джунгарами территорий путем объединения сил трех жузов. В годы «актабан шубринды» было создано великое собрание (курултай) представителей казахских территорий для избрания Абулхайра, хана Младшего жуза, предводителем объединенного ополчения казахских жузов [8, с. 110].

По-видимому, следствием формирования такого ополчения явилась Ангыркайская победа. В 1729 г. к югу от Балхаша, в местности Ангыркай, произошла ожесточенная битва, в которой казахи победили. В результате этого значительная часть территории Младшего и Среднего жузов была освобождена. Ойраты отступили на восток по р. Или, но удержали за собой власть над владениями Старшего жуза. Еще не была устранена угроза нового крупного нападения.

В 20-е годы XVIII в. казахи воевали не только с ойратскими войсками, приходившими с территории Восточного Туркестана, Или и Западной Монголии, но и с отрядами волжских калмыков.

Из «калмыцких дел» ЦГАДА узнаем о том, что в 1723 г. в разгар джунгарского нашествия на сырдарь-

инские города, Абулхайр напал на улусы калмыцкого хана Аюки и князей Досанга и Пекбея [78, 1723 г., д. 5, л. 26—27]. Затем 10-тысячное войско Абулхайра, а также хана Среднего жуза Семеке и султана этого жуза Барака, перейдя р. Урал в 1726 г., совершает набеги на улусы калмыцкого тайши Лобжи. Этот поход вылился, как видно из «Описания калмыцких народов» В. Бакунина [79, л. 36—37], в крупное военное столкновение в степи между Уралом и Волгой.

Не получается ли распыления сил на два фронта в момент мощного наступления джунгаров? Ведь самым опасным врагом для казахов тогда были джунгары, которые продвинулись на значительное расстояние вглубь казахской территории. По-видимому, внешнеполитическое положение казахов в 20-х годах XVIII в. складывалось так, что они вынуждены были воевать на два фронта, что привело к значительному ослаблению возможности сопротивляться джунгарам.

Нельзя ли допустить, что калмыки и джунгары действовали согласованно, проводили единую линию, преследуя цель подчинения казахов и их территорий? На этот вопрос, на наш взгляд, можно ответить следующим образом.

Массовое продвижение казахов к Эмбе и Яику вызвало тревогу среди кочующих здесь калмыцких тайшей за свои кочевья. Права, по нашему мнению, Н. Г. Аполлова, утверждающая, что «чрезвычайно осложнилась обстановка в районе Урала и Волги, и прежде всего остро встал вопрос о кочевьях. Здесь создались условия, при которых неизбежно должны были столкнуться интересы калмыцких тайшей с прикочевывавшими сюда под натиском джунгар казахами и каракалпаками» [8, с. 179]. И столкнулись их интересы на поле брани. Калмыки, защищая свои права на кочевья по Яику и в районе Урала, воевали с казахами в 1723 и 1726 гг. Военный конфликт 1726 г. в результате равновесия сил обеих сторон завершился подписанием соглашения, в котором говорилось: «А впредь на них, калмык, нападений и воровских набегов не чинить и мир содержать через столько лет, как в то время родившейся младенец придет в возраст и в состоянии будет на лошади ездить и сайдаком владеть, в чем и присягали с калмыцкой стороны наместник ханства Черендондук,

владельцы Дорджа Назаров, Дондук Омбо и Галдан и Данжин. А со стороны казахов ханы Семеке и Абулхайр, а также султаны Ишим и Барак» [8, с. 181]. Таким образом, на время был установлен мир с волжскими калмыками.

Здесь уместно остановиться на русской политике по отношению к волжским калмыкам, которые являлись подданными Российской империи. Им было поручено защищать яицкую линию, они пользовались покровительством русского правительства, не желавшего проникновения казахов в калмыцкие кочевья в районе Волги и Урала.

Что можно сказать о связях волжских калмыков с джунгарами, о возможном плане их объединенных действий?

Между ними поддерживались регулярные связи; они обменивались посольствами, крепили родственные узы и т. д. В момент разгара военных действий в 1723 г. Цеван-Равдан отправил к Аюке-хану послов, через них сообщил о войне с казахами и каракалпаками и выразил уверенность в том, что ближайшей весной будет он кочевать у Яика и Волги. Предлагал укреплять родственные связи. Аюка со вниманием отнесся к словам джунгарского хана. Но некоторые тайши выразили опасение. В частности, тайши Досанг заявил Аюке, что «им с черными калмыками (т. е. джунгарами) кочевать будет тесно» [78, 1723 г., д. 5, л. 28].

Относительно джунгаро-калмыцких отношений тех лет Н. Г. Аполлова высказывает такое мнение: «Намерения хунтайджи укрепить связи с Аюкой были очередным этапом в завоевательной политике хунтайджи. Это были намерения осуществить военный союз с ним, грозивший ударом для всех тех, кто стоял на пути к завоеванию экономического и политического господства» [8, с. 175]. Мы считаем этот вывод верным.

Связи между волжскими калмыками и ойратскими правителями существовали, и притом связи эти были активны. Однако намерения обеих сторон, в первую очередь джунгаров, объединить свои усилия в борьбе против казахов до конца не осуществились. Это объяснялось, во-первых, борьбой казахского народа, вынужденного защищать территориальную целостность и независимость; во-вторых, противодействиями части

калмыцких тайшей, не пожелавших оказаться в стесненном положении из-за появления джунгаров в их кочевьях в районе Урала и Волги. В-третьих, значительную угрозу продолжали представлять маньчжурские завоеватели, господствовавшие в то время в Халхе, Южной Монголии и Кукуноре. Между джунгарами и Цинами происходили военные конфликты. Безусловно, могущественные восточные соседи создавали джунгарам серьезные препятствия на пути их западной экспансии, в частности в деле создания крепкого джунгаро-калмыцкого военного союза.

Однако, несмотря на отсутствие согласованных военных действий джунгаров и калмыков, в 20—30-х годах XVIII в. казахи вынуждены были распылять свои силы, отражая натиск джунгаров с востока и ведя борьбу с волжскими калмыками из-за мест кочевий, что не могло не сказываться на состоянии политической и военной обстановки в Казахстане. Обстановка эта характеризовалась, во-первых, тем, что джунгары продолжали завоевывать новые территории, и, во-вторых, тем, что многие казахские роды раздирали острые внутренние разногласия, касавшиеся настоящей и будущей политики.

Выработать единственно правильную в создавшихся условиях политику и принять ее оказалось делом крайне сложным. Как показали предыдущие годы борьбы с ойратами, сил казахов было недостаточно для обеспечения независимости страны. Обеспечить казахам безопасное существование могли дружба и тесный союз с Россией. В связи с ойратской экспансией жизненно необходимо было изыскивать средства сближения с Россией. Многие влиятельные казахские султаны и батыры Младшего и Среднего жузов выход из создавшегося положения видели в принятии подданства России, считая, что этот шаг обеспечит безопасное существование казахов [12, с. 129]. Так, активным сторонником принятия подданства России была батырская группа Среднего жуза во главе с Букенбаем, который считал, что русское подданство обеспечит казахам кочевья у Яика и торговлю на русских рынках [83, с. 41].

Больше всех в этом были заинтересованы широкие массы простых казахов, стремившиеся к мирной жизни. В 1731 г. хан Младшего жуза Абулхайр изъявил

желание принять подданство России. На этот важный шаг решился Семеке, хан Среднего жуза. Принятие подданства России представители этих жузов подтверждали в 1733 и 1740 гг. [46, с. 228; 14; 8; 85].

Однако в результате наступательных действий ойратской армии в 1741—1742 гг. значительная часть Среднего жуза оказалась под контролем Галданцере-на. Нависла непосредственная угроза над владениями Младшего жуза.

Вкратце остановимся на ходе военных действий 1741—1742 гг. Подготовку к ним ойраты начали в 1739 г. Их войска были продвинуты к Иртышу, усилены караулы в верховьях этой реки. Хунтайджи разработал план, согласно которому его войска должны были двинуться в трех направлениях: от Зайсан-нора в район р. Ишим, в глубь территории Среднего жуза; в районы Ташкента, вниз по Сырдарье, создавая угрозу Младшему жузу; и, наконец, в глубь Барабинской степи [84, с. 48—49].

11 декабря 1740 г. 20-тысячное войско во главе с военачальником Септенем выступило в поход и остановилось в 80 верстах от Ямышевской крепости. Комендант крепости Т. Зорин сообщал в Tobольск о том, что многочисленное войско под командой Септеня и сына хунтайджи Лама-Доржи, расположившись на «ямышевской» стороне Иртыша, стоит на протяжении 100 верст, что джунгары увезли соль, заготовленную для крепости, берут соль, сколько им требуется, и «запретить им в том опасно без указа». Полковник Зорин получил вскоре инструкцию, в которой говорилось: «От приходу неприятельских людей иметь... всегда непопложные караулы», не давать никаких поводов к столкновениям с караулами джунгаров и «озлобления им никакого не чинить» [84, с. 49].

Русские власти, как видим, избегали вооруженного столкновения с джунгарами, стремились к добрососедским отношениям. В то же время сибирская администрация потребовала от джунгаров, чтобы они не появлялись вблизи русских крепостей.

Зимой 1741 г. войска Септеня двинулись в Барабинскую степь, а затем в казахские владения Среднего жуза. На Ишиме произошла схватка с Аблай-султаном. Аблай попал в плен. Был разгромлен хан Абул-

мамбет в верховьях Илека. В короткое время джунгарам удалось опустошить кочевья по Ишиму и Тоболу. Удар был нанесен и кочевьям Младшего жуза в районе Иргиза. По сообщениям русских разведчиков, войска Септеня стояли в четырех днях езды от Оренбурга. Крепости и форпосты Оренбургской линии были приведены в боевую готовность. Но Септень в конце весны 1741 г. повернул обратно с богатой добычей: с большим количеством скота и 3000 пленных, преимущественно молодых мужчин. Чем мог быть вызван отход джунгарского войска? Видимо, джунгары повернули назад, принимая во внимание русское требование прекратить нападение на казахов, подданных России.

Однако в 1742 г. военные действия возобновились. Весной ойраты совершили поход на Сырдарью. «Десять тысяч, зашед от Ташкента, чинили за оными кайсаками поиск и прогнали их до самой реки Ори», — заявил джунгарский посол Кашка в беседе с И. Неплюевым, начальником Оренбургской комиссии [46, с. 231]. В результате этого похода была восстановлена власть хунтайджи в Ташкенте, потерянная вследствие предательства наместника Кушук-бека. Было упрочено джунгарское господство в Туркестане. Попытка полководца Сары-Манжи взять Самарканд не увенчалась успехом. Неудачными также были его попытки овладеть Бадахшаном и Ходжендом. Хотя широко запланированная экспансия в Средней Азии не была полностью реализована, ойраты все же получили важный плацдарм для наступления с юго-востока на Младший жуз.

В итоге военной кампании 1741—1742 гг. значительная часть территории и населения Средней орды оказалась под властью Джунгарии. Султан Аблай попал в плен. Султаны Барак, Батыр и некоторые другие перешли на сторону победителей, дали аманатов и обещали платить дань. Абулмамбет-хан и его ближайшее окружение также склонялись к тому, чтобы отдать в качестве аманатов своих сыновей и платить дань. И. Неплюев докладывал в Государственную коллегия иностранных дел о том, что Галданцерен через своих послов требует от Абулмамбета и знатных султанов Средней орды как аманатов, так и дани. В противном случае угрожает новой войною [46, с. 215].

В августе 1742 г. в Орскую крепость прибыли джун-

гарские послы Кашка и Будун. В беседе с ними И. Неплюев говорил, что казахи Младшего и Среднего жузов находятся в российском подданстве, потому действия хунтайджи по отношению к ним являются незаконными [46, с. 231].

Оренбургская администрация уделяла значительное внимание разведке намерений и планов Джунгарии. Под видом торговцев посылала она в казахские степи, к джунгарам, своих разведчиков. Так, в 1741 г. в Среднюю орду ездил яицкий казак Ф. Найденев, а в начале 1742 г. на Сырдарью — казак Харку. Разведывательную цель прежде всего преследовали Уразлин, ездивший летом 1742 г. в Среднюю орду, и майор К. Миллер, отправившийся осенью того же года в Джунгарию. К. Миллер должен был выяснить планы хунтайджи, уточнить границы джунгарских и казахских территорий, выяснить характер взаимоотношений Старшего жуза с Джунгарией и, наконец, содействовать освобождению из плена Аблая. Помимо этого он должен был объяснить хунтайджи, что Младший и Средний жузы состоят в российском подданстве и потому Джунгарское государство не должно вмешиваться в их дела [46, с. 222—227]. В письме И. Неплюева Галданцерену, отправленному 2 сентября 1742 г. с майором К. Миллером, говорилось, что послы Кашка и Будун уверяли в том, что «Вы о том их кайсацком подданстве подлинно безизвестны... может быть об оном подданстве Вам обстоятельно не донесено или вовсе объявить оставлено, как то и подтверждается тем, что и в нынешнем году к оным е. и. в. подданным новые Ваши посланцы при были с Вашими листами и требованием, чтобы от них даны были в аманаты к Вам ханские дети, платили б Вам дань и кочевали б на тех местах, где от Вас приказано будет, ибо уповаю, что ежели б Вы о их подданстве сведомы были, то б, зная к себе высочайшую е. и. в. милость, оное от подданных е. и. в. требование учинить конечно б не восхотели» [46, с. 228].

Из текста приведенной цитаты можно сделать следующий вывод: джунгары не знали о принятии казахами двух жузов российского подданства и по примеру прошлых лет совершали на них нападения. Если бы они знали о нем, возможно, они опасались бы нападения на казахов. Однако события ближайшего буду-

щего показали, что незнание факта подданства было не основной причиной агрессии джунгаров. На наш взгляд, основной движущей пружиной джунгаро-казахских отношений в первой половине XVIII в. являлось, как и в прошлые времена, желание расширить площади кочевий, захватить скот и пленных. Из истории XVI—XVIII вв. мы знаем, какие масштабы принимала в отдельные периоды эта борьба, приносившая огромные разрушения и являвшаяся всегда для широкой массы населения страшным несчастьем. С начала XVII в. перевес в силе и мощи оказался на стороне джунгарских феодалов. Они стали чаще одерживать победы над войсками казахских ханов и султанов.

В таких случаях следовали контрнаступления. Не это ли подтверждают слова джунгарского посла Кашки, сказанные им начальнику Оренбургской комиссии И. Неплюеву в Орской крепости 24 августа 1742 г. Отвечая на вопрос, чем вызвано нападение джунгарской армии на Средний жуз, посол заявил: «Когда-де у них зюнгарского владельца Галдан-Чирина происходила с китайцами долговременная и кровопролитная война, тогда-де киргис-кайсаки, в зюнгарские границы вбегая, причиняли многие раззорения; как-де помянутой их владелец с китайцами замирился, того получа случай, отправил войска своего для отомщения тем кайсакам в трех партиях по десяти, итого тридцать тысяч человек» [46, с. 231]. Ч. Валиханов в статье «Аблай» говорит: «Галдан-Церен с несметным чериком (войском) вторгается в Киргизскую степь для наказания кайсаков и бурутов за прежние их набеги и буйства» [16, с. 427].

Русские власти прилагали огромные усилия к тому, чтобы отвести опасность установления ойратского господства в Среднем и Младшем жузах.

В августе 1742 г. И. Неплюев заявил ойратским послам: «Ввиду того, что казахи Младшей и Средней орд состоят в российском подданстве, требования хунтайджи от казахских султанов дани и аманатов непристойно чинимые требования» [46, с. 230], направленные на подрыв и ослабление русско-казахских отношений.

Русских сильно беспокоило одно немаловажное обстоятельство — значительная удаленность Среднего жуза от российских пределов.

Хан Среднего жуза Абулмамбет говорил: «Ежели ему

сына своего к нему (т. е. Галданцерену. — Ш. Ч.) не посылать, то нигде место будет не найти, и как де он паки войско свое на него пошлет, то де русские его охранить не могут» [11, с. 113]. Отметим здесь тот факт, что этому хану Галданцерен обещал уступить г. Туркестан и близлежащие кочевья. К тому же в тот момент возникли крупные разногласия между ханом Младшего жуза Абулхайром и Абулмамбетом. Это также беспокоило И. Неплюева, П. Рычкова и других представителей русского правительства, стремившихся не допустить хана Среднего жуза к сближению с джунгарами.

Обстоятельства складывались таким образом, что Абулмамбет вынужден был направить в Джунгарию младшего сына, султана Абулфейза, в качестве аманата и платить дань.

Майор К. Миллер помимо других задач должен был добиваться того, чтобы Галданцерен, «сохраняя с Российской империей доброе соседство, ... того отправленного ханского сына не принял, но возвратил бы его к отцу и впредь киргиз-кайсаков никого б в свое владение не принимал» [46, с. 271].

Некоторые казахские историки (Т. Шоинбаев, В. Басин) склонны считать поездку К. Миллера в Джунгарию в целом успешной [84, с. 174—177]. По их словам, посольство Миллера ускорило освобождение Аблай-султана (спасение его от Галданцерена считается чудом, тем более что Аблай убил его любимого сына Чарчу). После поездки К. Миллера джунгары в течение ряда лет не предпринимали военных действий против казахов, отдавая предпочтение политико-дипломатическим акциям.

В связи с этим интерес представляет рассказ башкира Тюкана Балтасева, побывавшего летом 1743 г. в Среднем жузе. Он встретился там с Аблай-султаном, недавно вернувшимся из плена. Галданцерен выдал за Аблая одну из своих дочерей и обещал ему несколько вотчин в районе Ташкента. А Аблай должен был выполнить требования хана: обменять Шигай-султана (сына Барак-султана) на султана Абулфейза, а также поймать Карасакала, бывшего предводителя башкирского восстания, и выдать его Галданцерену [46, с. 296—297]. Ясно, что путем этих сделок джунгарский хан хотел укрепить свои позиции в казахских владениях.

Правители Джунгарии продолжали вынашивать идею дальнейшего расширения своих владений за счет казахских земель и территорий по Иртышу и Оми путем подчинения территории барабинских татар — Барабинской степи и района Колыванского завода, где имелись прекрасные промысловые угодья и рудные богатства. Таким образом, притязания на эти земли и их жителей не совпадали с интересами русского правительства, что и привело в середине 40-х годов к значительному обострению взаимоотношений двух стран.

Джунгарские правители угрожали военным нападением. В связи с этим 11 августа 1743 г. Российский сенат издал указ, по которому предписывалось Коллегии иностранных дел увеличить количество крепостей, форпостов и редутов Иртышской линии.

Русское правительство понимало, что военные действия в степи не могут обеспечить полной победы над Джунгарией. Более эффективным средством противоборства правительство считало усиление укреплённой линии.

Что касается тех территорий, на которые претендовали ойраты, то следует сказать следующее. Российские власти не возражали, что искони не было установлено границ между Россией и Джунгарией. Подтверждая свои права на верховья Иртыша и район Ямышева озера, российские власти объясняли джунгарам, что еще «в старые годы» русские ходили промышлять в эти районы. В донесении Коллегии иностранных дел в сенат говорилось: «А ныне Ямышева хотя владения российского прежде всего и не было, да и зенгорцы оными местами не владели ж». О территории барабинских татар, расположенной по р. Оми и в Барабинской степи, в том же донесении сообщалось, что «Барабинские волости... исстари в российском владении; через них тракт сухопутный из Тобольска во всю Сибирь лежит. Зенгорский владелец с оных волостей алман или дань берет насильством» [4, л. 139—140; 84, с. 55].

Так как притязания на все названные районы были отвергнуты, джунгарские правители решили организовать военный поход на верхнеиртышские крепости и на казахов, кочевавших у Иртышской линии, и таким путем овладеть полностью верховьями Иртыша. Из-за

своевременно принятых сибирской администрацией мер хунтайджи не удалось летом 1744 г. осуществить задуманное мероприятие.

Однако ойраты не отказывались от своих намерений: они усиленно вооружались. Отряды зайсана Омбо захватили в плен мастеров горнорудного дела вместе с их инвентарем. В частности, Омбо удалось взять в плен мастеров из Тары. На Чыкырском руднике джунгары захватили лопаты, кирки, молотки и прочий инвентарь. Поручик Левашев, побывавший в Джунгарии летом 1745 г., сообщал, что взятому в плен беглому солдату Малкову с товарищами приказано плавить медь и лить из нее мортиры и пушки. Поручик Аблязов докладывал, что уже «второй год на Тюрмулюке работают 3 тысячи человек и такое же количество быков на возке руды», что в свое время попали к джунгарам в плен три русских мастера медеплавильного дела [84, с. 56]. Все эти люди изготавливали джунгарам оружие.

Сибирские власти неоднократно поднимали вопрос о возвращении русских мастеров. Галданцерен соглашался выполнить это требование лишь с условием возврата ему всех пленных из ясачных угодий. В случае невыполнения этих требований он грозился совершить нападение на Кузнецкий, Томский, Ишимский и Тарский уезды.

В создавшихся условиях русское правительство продолжало придерживаться мирного пути урегулирования спорных вопросов с джунгарами. «Пристойнее в договор вступить, нежели мир нарушить», — наказывала Коллегия иностранных дел сибирскому губернатору А. Сухареву [22, л. 53]. И. Неплюев еще в конце 1742 г., обращаясь к казахским султанам, просил, чтобы «они, яко главные люди, народ свой от своевольства удерживали и не допускали б для воровства под зюнгорцев, ибо то сущее, что их с зюнгорцами в ссору приводит» [46, с. 233].

Но в то же время русские власти изыскивали пути и способы для отпора возможной джунгарской агрессии. Они старались сблизиться с теми султанами Среднего жуза (Бараком и другими), которые испортили свои отношения с джунгарами и проявляли заинтересованность в российской «опеке». Высказывалась мысль об установлении тесного контакта с ходжентским владель-

цем. Ездивший к Бараку переводчик Уразлин пытался склонить его к военному союзу с ходжентским правительством против Джунгарии.

В 1745 г. правитель Ходжента Абдулкарим-бек предпринял наступление в районе Сырдарьи и отнял у джунгаров Ташкент и Туркестан, что ослабило их власть на Сырдарье. В связи с наступлением ходжентцев в районе Сырдарьи Галданцерен вынужден был перебросить крупное войско на юго-запад, тем самым ослабив свои силы в верховьях Иртыша и в районе Колывано-Воскресенского завода. Так был сорван военный план Галданцерена в районе Иртыша.

Следует сказать, что правительство Галданцерена учитывало военные возможности русских и потому не начинало крупных военных действий против России. Оно склонялось к тому, чтобы на взаимовыгодных началах урегулировать спорные вопросы, в частности вопрос об обмене пленными. К тому времени международное положение Джунгарии оставалось сложным. Галданцерен уделял постоянное внимание границам с Цинской империей, взаимоотношениям со среднеазиатскими соседями, прежде всего с казахами. В последние годы жизни Галданцерена не было крупных сражений между джунгарами и казахами. Очевидно, хунтайджи решил прибегнуть к иной тактике. Как пишет А. Левшин, «Галдан-Церен перед своей смертью примирился с казахами. Видимо, решил путем ласкового обращения подчинить казахов» [50, с. 200].

В истории джунгаро-русских и джунгаро-казахских отношений 40-х годов XVIII в. известное место занимает так называемая проблема Карасакала, предводителя башкирского восстания 30—40-х годов, направленного против присоединения Башкирии к России. После поражения восстания в начале 1740 г. Карасакал бежал в казахские степи. Первоначально он жил в Каракалинской степи у Казбек-бия, затем появился в кочевьях рода найманов, где нашел покровителя в лице найманского батыра Кананбая, проводившего антиджунгарскую политику [23, л. 705], о котором сохранился героический эпос, имеющий многочисленные варианты [7, с. 52]. Следовательно, в казахских степях поселился опасный для правительства России противник. Через своих послов, направлявшихся в казахские ханства, а

также на переговорах с казахскими князьями русские добивались выдачи Карасакала. Например, на русско-казахских переговорах в Оренбурге в августе 1740 г. о Карасакале поднимался вопрос. Генерал В. Урусов говорил, что «оной вор Карасакал, ушед в Киргизские орды с некоторыми ж ворами башкирцами, живет в Большой орде и называет себя, акиб он Шуна-батыр — брат зюнгарского владельца Галдан-Чирина, и тем хочет киргис-кайсацкий народ в такое возмущение и погибель привести, как и башкирцев. Он подлой башкирец Юрматынской волости и ево родственники, также жена и дети в Башкирии имеются» [46, с. 160].

Летом 1742 г. английский купец Гок, проезжая через казахские владения, имел встречу с Батыр-султаном, который говорил ему о Карасакале, что «ежели он подлинно не Шуна, то он душевно обещается, что ево в Россию с своей стороны отдать готов» [46, с. 213].

В 1745 г. из Оренбурга в казахскую степь для выяснения намерений Карасакала поехал башкир Тюкан Балтасев. В урочище, где жил Карасакал, Тюкан встретил несколько монголов, в том числе «одноматерного брата Шуны Баргая (т. е. Б́арана. — *Ш. Ч.*), который был еще в детстве по приказанию Хонтайши ослеплен и сослан в ссылку» [20, с. 435]. Из личных наблюдений, также из бесед с Карасакалом и с Бараном Балтасев пришел к твердому убеждению, что Карасакал не Шуна-Батор: он по-калмыцки не говорит, речь его «самая башкирская, сибирской дороги», от роду ему лет сорок [20, с. 435]. Слава о Карасакале, именовавшем себя Шуна-Батором, «такой-де силы ныне уже не имеет», заключал Тюкан Балтасев.

Итак, выясняется подлинное лицо политического беглеца Карасакала. Он родом из Башкирии, где живут его жена, дети, родственники. Он не султан с Кубани, за которого выдавал себя казахам в первое время, тем более не Шуна-Батор, брат джунгарского хунтайджи. (По генеалогии джунгаров, составленной П. Пельо, у ойратского хана Цеван-Равдана было 5 сыновей: Галданцерен, Лобжан-Шуну, Шуну-Дамба, Баран, Бара-Баран — и одна дочь. См.: P. Pelliot. Notes critiques d'histoire kalmouke, tableaux généalogiques P., 1960, tableau I.)

Капитан Унковский в своем дневнике писал, что от первой жены Цеван-Равдана — дочери Кукунорского тайши Кюнгү — родился Галданцерен, а от второй жены — дочери Аюки-хана Сэтэржаба — четыре сына: Шуна-Даба, Шуно-Кашка, два Баранга [32, с. 186]. Видимо, Шуна-Батор — это Шуну-Дамба (т. е. Шуна-Даба). О настоящем Шуна-Баторе сказано в русском официальном документе 1740 г. следующее: «Прямой Шуна-батор, онго Галдан-Чирина брат, сему владельцу был великой противник, и, ушед во владение калмыцкого хана Дондук-Омбы, умер» [46, с. 160]).

Прав Ч. Валиханов, когда давал такую характеристику Карасакалу в своей заметке «Шуна-Батыр (Авантюрист XVIII ст.)»: «Это был один из загадочных и счастливых степных авантюристов. Поселившись в степи, он сделался опасен как для России, так и для Джунгарии: первая боялась, чтоб он снова не возмутил башкирского народа, вторая была напугана его самозванством: какой-то Шуна, погибший претендент на джунгарский престол, был так любим джунгарским народом, что последний готов был во имя его восстать против тогдашнего хана Галдан-Черена» [20, с. 431—432].

Несмотря на очевидность самозванства, джунгарский хан опасался действий Карасакала. Дошли до джунгаров слухи о том, что Шуна жив, что он возвращается на родину во главе русских войск и т. д. Слухи эти имели отрицательное влияние на определенную часть населения. Ч. Валиханов, использовавший рапорты русских пограничников середины XVIII в. (капитана Быкова, полковника Павлуцкого и др.), сообщает примечательные факты: джунгары часто осведомлялись у русских пограничников и посланцев, не знают ли они, где Шуна; перебежчик Монго Усюмов в 1746 г. заявил русским, что джунгары хотят иметь своим ханом Шуна-Батора, который будто командует русским войском; в 1748 г. у сержанта Комовщикова, бывшего в Джунгарии, демчи Генден расспрашивал о Шуна-Баторе, к которому будто бы желали идти в подданство нойоны Даваца и Эмакуме [20, с. 432].

Имели место случаи, когда небольшие группы джунгаров уходили к Карасакалу.

Вышеупомянутый Балтасев встретил в улусе, где находился Карасакал, «выбежавшего из Джунгарии три

года назад Бак-Кашку, а прошлым году одноматерного брата Шуны, Баргая» [20, с. 435].

Наибольшую опасность хунтайджи Галданцерен усматривал в антиджунгарской пропаганде Карасакала среди казахов, а также в совместных с казахскими феодалами его выступлениях против Джунгарии. По мнению генерала Урусова, Карасакал «переименовал себя Шуною-батырем, желая возмутить киргиз-кайсацкий народ против зюнгарского владельца Галдан-Чирина, от которого кайсакам немалая опасность» [46, с. 160].

По-видимому, в ухудшение состояния казахско-джунгарских отношений в 40-х годах немалую лепту вложил этот самозванец. Связь его с вождем найманов Кананбаем, одним из организаторов борьбы с джунгарами, может являться этому ярким свидетельством.

В материалах сборника «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках» [46] содержится немало сведений, характеризующих политику Галданцерена по отношению к Карасакалу. Во многих грамотах его на имя казахских ханов и султанов фигурирует вопрос об этом башкире. Так, в грамоте Галданцерена, врученной 14 апреля 1742 г. Батыр-султану, спрашивается, «для чего он, Батыр-султан, вместе с Карасакалом ездили и разорили ево границы улусы» [46, с. 191, 210]. Об антиджунгарских действиях Карасакала рассказывали И. Неплюеву джунгарские посланники осенью 1742 г. в Орске [46, с. 233].

После беседы с послами начальник Оренбургской комиссии заявил казахским представителям: «Сей злой человек (Карасакал) явно плохой и благополучие их (т. е. джунгаров. — Ш. Ч.) раздирает и ссорит их со всеми соседними народами, от которого они, с одной стороны, могут возбудить на себя всех соседей, как то уже и привел, а, с другой стороны, будет то и воли е. и. в. противно, что такому злему человеку в улусах своих дали не токмо пристанище, но еще и усиливаться допущают к раздражению вышепомянутого владельца; что действительно уже происходит, через которого Карасакала могут они до того приведены быть, что вместо милости — гнев е. и. в. на себя подвигнут» [46, с. 233].

Неоднократные попытки заполучить Карасакала или устранить его предпринимали и джунгары и русские.

Галданцерен подговаривал Барак-султана, который в 30—40-х годах оказался в зависимости от джунгаров, убить Карасакала, если уж невозможно его поймать. Хунтайджи, например, за это обещал Бараку отпустить его сына Шигая, находившегося в аманатстве в Джунгарии.

Голданцерен пытался использовать и освобождение Аблай-султана из джунгарского плена в 1743 г. Одним из условий, которыми оговаривалось освобождение Аблая, была поимка и выдача Карасакала: «Аблай-салтан и Малай-Сары (ташкентский феодал, живший в Джунгарии. — Ш. Ч.) его поймать и Галдан-Чирину отдать намерены, токмо Найманский род за него стоят» [46, с. 297].

Однако попытки джунгарского правителя заполучить (или устранить) Карасакала не увенчались успехом. Карасакал умер, по данным Ч. Валиханова, в казахской степи в 1749 г., так и не побывав в руках Галданцере-на [20, с. 436].

Следовательно, можно сказать, что Россия и Джунгария по «вопросу» о Карасакале занимали аналогичную позицию.

Галданцерен умер в сентябре 1745 г. А в начале 1747 г. ханом Джунгарии был провозглашен его четырнадцатилетний сын Цеван-Доржи Намжил. Однако он был смещен с престола Ламадоржом. Племянник Галданцере-на Давачи и хойтский князь Амарсана включились в активную борьбу за престолонаследие, за свержение Ламадоржа. В ходе этой борьбы они вынуждены были бежать в казахскую степь, где нашли дружественный прием у султана Аблая. Аблай даже выдал свою дочь за Амарсану. Во время их пребывания у казахов туда прибыл по поручению Министерства иностранных дел России посланец оренбургского губернатора. Губернатор И. Неплюев и генерал А. Тевкелев приглашали ойратских князей в Оренбург, стремясь установить тесный контакт с ними, особенно с Давачи, которого прочили на ханский трон в Джунгарии [33, с. 435]. Но князья торопились на родину и не могли принять приглашения.

Ламадорж обращался к казахам с просьбой выдать Амарсану и Давачи. Так как обращение его было отвергнуто, он направил многотысячную армию на ка-

захскую территорию. Проведав об этом, Давачи и Амарсана ушли от казахов и вернулись на родину, где собрали своих сторонников, сумев перетянуть на свою сторону и часть людей, преданных Ламадоржу.

Осенью 1752 г. Давачи с помощью Амарсаны и других хойтских князей занял ханский престол, свергнув Ламадоржа [35, дэвтэр 54], о чем оповестил своих соседей (русских), казахов и пекинский двор. В 1753 г. Давачи с помощью Амарсаны и казахского султана Аблая победил Нэмхэжаргала, нового претендента на ханский трон, и стал полновластным правителем Джунгарского ханства. Но вскоре обострились отношения между Давачи и Амарсаной, притязавшим на ханский трон. Между ними происходят многочисленные столкновения, которые серьезно ослабили единство и мощь Джунгарии. Отдельные ойратские феодалы со своими албатау стали переходить на цинскую сторону. Используя благоприятный момент, совершали набеги на джунгарскую территорию казахские султаны, уводя в плен простых ойратов. Много беглецов появилось на территориях, контролируемых казахами и русскими. В материалах Государственного архива Омской области содержатся многочисленные сведения о беглых и плененных ойратах. В одном из документов, датированном 1755 г., сказано: «Если в будущем будут беглецы-калмыки, то все они будут переданы в Джунгарию из-за дружественных мотивов» [23, л. 114].

Тем временем в ходе междоусобной борьбы Давачи вышел победителем, а Амарсана со своими сторонниками (20 тыс. человек) ушел в Западную Халху и объявил Цинам о своем желании подчиниться пекинскому двору.

Как показали последующие события, Амарсана рассматривал свои действия всего лишь как маневр, рассчитывая с цинской помощью свергнуть Давачи и занять ханский трон в Джунгарии.

Весной 1755 г. Амарсана вместе с цинской армией появился на джунгарской территории. Давачи, избегая решительного сражения, отступил к казахской границе, где к своей четырехтысячной армии присоединил отряд из 3 тыс. казахов, и с боями двинулся к Алтайским горам, затем повернул в Кашгарию, где в июле 1755 г. был схвачен Цинами [36, дэвтэр 14]. После этого

цинская армия, не встретив серьезного сопротивления ойратов, оккупировала всю Джунгарию. Убедившись в том, что Цины не склонны пойти ему навстречу и передать ханский престол, Амарсана приступил к тайной подготовке вооруженной борьбы. Когда выяснилось, что маньчжуры разгадали план этой борьбы, Амарсана совершил внезапное нападение на цинскую ставку в Джунгарии, захватил в плен несколько видных военачальников [36, дэвтэр 23]. В последние месяцы 1755 г. повстанческие отряды ойратов под общим руководством Амарсаны активно участвовали в сражениях с цинскими частями. Повстанцы установили контакты с патристически настроенными халхаскими феодалами, а также с казахами. Небезуспешными оказались переговоры Амарсаны с его старым союзником казахским султаном Аблаем, обещавшим ойратам вооруженную помощь казахов.

В 1756 г. объединенные силы ойратов и казахов дали множество сражений цинской армии, однако в конечном итоге потерпели неудачу. Осенью того же года Амарсана вынужден был уйти к казахам. О пребывании его у казахов и об ойрато-казахских переговорах сообщается в донесении русского посла Каскинова, отправленного к Амарсане оренбургским губернатором [34, с. 307—308].

У казахских князей не было единого мнения о том, как относиться к Амарсане и его сторонникам. Если Аблай помогал им и выступал за дальнейшую помощь ойратским повстанцам, то другие феодалы, в частности Хожибарс, считая пребывание Амарсаны на казахской территории опасным для самостоятельности казахов, доходили даже до предложения выдать его маньчжурам. Цины установили сроки выдачи Амарсаны, грозя в случае отказа пойти войной. Аблай оказался между двух огней и был вынужден предложить Амарсане оставить казахскую территорию. Вернувшись на родину, он включился в развернувшуюся по всей Джунгарии, а также в Халхе антиманьчжурскую борьбу, в которой активное участие принимали Чингунжав, хотогойтский князь из Западной Халхи и недавно назначенные Цинами ойратские ханы. Амарсана вновь обращается за помощью к казахскому Аблай-хану. Но тот, напуганный цинскими угрозами, не только ответил отказом,

но даже склонялся к мысли о выдаче своего недавнего союзника.

Летом 1757 г. повстанческая армия Амарсаны дала генеральное сражение намного превосходящим силам противника. В течение семнадцати дней монголы героически отражали натиск цинских войск, но благодаря численному перевесу и лучшему вооружению маньчжуры сломили сопротивление повстанцев. Убедившись в невозможности продолжать борьбу, Амарсана с остатками войска ушел в пределы России. 28 июля 1757 г. Амарсана и его соратники прибыли в Семипалатинскую крепость, оттуда выехали в августе в Тобольск. Здесь Амарсана, один из видных руководителей освободительного движения монголов середины XVIII в., умер 21 сентября того же года в возрасте 35 лет [40, с. 81—82].

В ходе ойрато-цинских войн в середине XVIII в., особенно после подавления народного восстания и разгрома маньчжуро-китайскими войсками Джунгарского ханства, монгольское население оставляло свои родные места и уходило на территории соседних народов и стран, в том числе на казахскую территорию и в пределы России. Обосновавшись в Джунгарии, цинские завоеватели вскоре стали планировать военные действия против казахов, киргизов и других народов стран Средней Азии.

Ч. Валиханов пишет, что суеверные мусульмане, слепо веря в широко распространенное предание о том, что «перед окончанием света китайцы покорят весь мир, пришли в такой страх, что забыли на время междоусобные раздоры и стали составлять союз» [17, с. 460]. Во главе союза, о котором говорит Ч. Валиханов, встал правитель Кандагара Ахмет-шах. Всего было собрано и приведено в готовность 330-тысячное войско. В 1763 г. союзное войско заняло боевые порядки между Коканом и Ташкентом. Однако дело до сражения так и не дошло.

Безусловно, наибольшую опасность цинско-китайские завоеватели представляли для казахов Старшего жуза: они оказались в непосредственном соседстве. Известно, что казахи, в первую очередь Аблай-султан, в 50-х годах XVIII в. поддерживали ойратов в их борьбе с войсками Цинской империи.

Однако попытки подчинения казахов и киргизов не увенчались успехом. Потерпев неудачу в своих завоевательных планах, Цины довольствовались лишь формальным признанием султанами Старшего жуза и некоторыми киргизскими феодалами даннических отношений.

Со вступлением цинских войск в Джунгарию Россия, предупреждая притязания Цинской империи на Алтай, продвинула Иртышскую линию крепостей до Бухтармы, от нее провела укрепленную линию к Бийску и Кузнецку. Казахские Средний и Младший жузы находились под покровительством России.

МОНГОЛО-КИРГИЗСКИЕ СВЯЗИ

В исторической литературе, особенно дореволюционной, высказывалось мнение, что родиной киргизов был район р. Енисея и что с Енисея они переселились в район Тянь-Шаньских гор в XV—XVIII вв.

А. Левшин вслед за Миллером и Фишером писал, что история Киргизии до XVIII в. тесно связана с историей енисейских киргизов (хакасов), что по договоренности с Россией джунгарские феодалы принудили киргизов переселиться в горы между Андижаном и Кашгаром [50]. А. Левшин допускает неточность в трактовке исторических фактов, путая исторические события из жизни енисейских киргизов (предков нынешних хакасов) с историей тянь-шаньских киргизов.

В действительности факт увода большинства енисейских киргизов ойратами в самом начале XVIII в. имел место, но их увели не в горы Тянь-Шаня, а на западномонгольскую территорию.

Многие историки, в том числе современные киргизские ученые, считают правильным мнение Н. Я. Бичурина (Иакинфа), который писал, что переселившиеся в начале XVIII в. в Джунгарию енисейские киргизы не имеют ничего общего с тянь-шаньскими киргизами. Ч. Валиханов писал, что киргизы — исконные жители Тянь-Шаня, здесь они обитали с древнейших времен и лишь во время перекочевок распространялись до Алтая и верхнего Енисея. Он считал ошибочным утверждение о том, что киргизы ранее жили на Енисее, а на рубеже XVII—XVIII вв. были переселены джунгарами на Тянь-Шань [19, с. 416]. Историки Киргизской ССР пришли к выводу, что история Енисея не входит в историю Киргизии, что киргизский народ образовался в районе Тянь-Шаня из различных тюркских и монгольских племен в XV—XVIII вв. [76; 27].

Мусульманские источники, в частности «Тарихи Ра-

шиди», содержат упоминания о кочевании киргизов в горах Андижана и у оз. Иссык-Куль в XV—XVI вв. [21]. Эти киргизы в тот период входили в состав государства Моголистан. Авторы «Истории Киргизской ССР» даже пишут о существовании на территории Северной Киргизии в указанный период государственного объединения собственно киргизских племен. Правда, они оговариваются, что во главе его стояли представители правящей могольской верхушки [43, с. 211]. Факты свидетельствуют о том, что с начала XVI в. киргизы сумели вытеснить могольских правителей из районов Тянь-Шаня в Восточный Туркестан. Киргизскими племенами правили вожди, перед лицом внешней опасности заключались временные союзы.

Продвигаясь на запад, ойрат-монголы столкнулись с киргизами (или бурутами) и вступили с ними в непосредственный контакт. Первые вторжения ойратов в области, населенные киргизами, в Восточный Тянь-Шань, в Северную Киргизию относятся к середине и второй половине XV в.

Сохранились предания [52] о переселении киргизов в Фергану из-под Комула под давлением калмыков, об уходе киргизов с Алтайско-Хангайского нагорья.

Киргизские ученые предполагают, что эпос «Манас» — продукт длительного совместного проживания киргизов и калмыков на Алтайско-Хангайском нагорье на протяжении ряда столетий и что «он не мог сложиться за несколько десятков лет XV в. в ходе калмыцких вторжений в районы Тянь-Шаня» [43, с. 218].

В калмыцком эпосе «Джангар» также находим факты, повествующие об ойрато-киргизских отношениях начиная еще с XIII в. [28].

В XVII—XVIII вв. в истории монголо-киргизских отношений преобладали события политического и военного характера. Слабая источниковедческая база не позволяет широко осветить данную проблему. Здесь пойдет речь о взаимоотношениях ойратов с киргизами Тянь-Шаня.

В исторической литературе [59; 33; 15] содержатся сведения об ойрато-киргизских отношениях в начале XVII в., еще до образования Ойрато-Джунгарского ханства (1635 г.). Русские послы, ездившие в первой четверти XVII в. к ойратам, переселившимся в Южную

Сибирь, сообщали о связях ойратского Далай-тайши и других князей с тянь-шаньскими киргизами, обитавшими в Семиречье. Тогда в Семиречье жили казахи Старшего жуза и тянь-шаньские киргизы.

Перед нами «расспросные речи» (отчет) Т. Петрова и И. Куницына, ездивших в 1616 г. к ойратам. Сообщив о целях и задачах посольства, они рассказывают о поездке, делятся впечатлениями о жизни ойратов, их связях с соседями, в частности, с киргизами. В отчете послов говорилось, что в «Колматцкой земле ныне и да Киргизская орда, и тем обоим ордам Большая орда ны. А которые ясыри Казатцкие и Киргизские земли прежде всего пойманы были в полон в Колматцкую землю, и тех ныне Богатырь-тайш сыскивая, отдает им без окупу. А Казачьи и Киргизские орды начальники о том ему присылают бити челом, и живут с ним в совете и во всем Богатыря-тайша над собою почитают и его слушают» [56, с. 53].

И. Савельев, ездивший в 1618 г. к Далай-тайши, сообщал о том, что «в ту пору у него были послы Казачьи орды да ис Киргизские земли... было Казачьи орды 2 человека послов да Киргизцкие земли 5 человек, а приходили оне выкупать полону» [56, с. 71].

Эти посольские сообщения свидетельствуют о том, что в 1618 г. ойраты во главе с Далай-тайши, с одной стороны, и киргизы и казахи Семиречья — с другой, поддерживали мирные отношения, что между ними не было военных столкновений. Далай-тайши, руководствуясь соображениями сохранения добрососедских отношений, разыскивал и возвращал пленных киргизов и казахов, которые ранее были захвачены ойратскими князьями в плен.

Однако мирные периоды прерывались военными столкновениями. В начале 20-х годов XVII в. имели место ойрато-киргизские и ойрато-казахские вооруженные столкновения. Из грамоты царя Михаила Федоровича, поступившей в Тобольск в 1624 г. и содержащей показания бухарского купца Мухтара Авжеева, следует, что между коалицией казахов и киргизов и ойратским Далай-тайши отношения чрезвычайно ухудшились [84, с. 76]. Ойраты совершали набеги на кочевья киргизов и казахов в Семиречье с целью разжиться добычей

и увести людей в плен. Но эти набеги не принесли желаемого успеха.

С 40-х годов XVII в. населению Семиречья пришлось вступить в продолжительную борьбу с ойратскими феодалами. В «Сибирской истории» И. Фишер сообщает о походе правителя Ойратского государства Батур-хунтайджи на казахов в 1643 г.: «С самого начала овладел двумя провинциями или народами Алат-киргизским и Токмакским, которых до 10 тыс. человек считалось» [75, с. 444—445].

Можно предположить, что в начале казахского похода ойратский правитель одержал победу не над казахами, а над киргизами (русские источники по невыясненным причинам с начала XVIII в. на казахов перенесли название «киргизы». Казахам в России стали называть «киргиз-кайсаками», «киргиз-казаками» или просто «киргизами». А киргизский народ сохранил свое название «киргизы». Несмотря на то что отдельные авторы называли киргизов «черными киргизами», «закаменными киргизами», в литературе возникла путаница. Очень часто факты, относящиеся к истории одного народа, приписывали истории народа другого. В китайских и монгольских источниках тянь-шаньских киргизов именовали «бурутами». «Алат-киргизами» могли быть киргизы с гор Алатау, а «токмакский» народ — киргизами Чуйской долины, именуемыми так в связи с географическим названием «Токмак» (ныне город в Киргизской ССР, в 60 км к востоку от Фрунзе) [63].

В 1652 г. хошутский Очирту-Цецен-хан, кочевья которого располагались в тот период между озерами Зайсан и Балхаш, вплоть до гор Юлдуза, подчинил тянь-шаньских киргизов.

По-видимому, подчинение Северной Киргизии ойратскими феодалами в 40—50-х годах XVII в. не было прочным, так как в дальнейшем в источниках вновь сообщается о джунгарских завоеваниях этой киргизской территории.

После перенесения во второй половине XVII в. ставки на р. Или и покорения Семиречья ойраты совершали новые крупные походы в Киргизию. Джунгарские войска вторгались сюда с северо-востока. Они представляли грозную силу: об этом свидетельствует вторжение 100-тысячной вражеской конницы.

В 1683—1685 гг. Галдан-хан нанес тяжелое поражение киргизам.

В конце XVII — начале XVIII в. часть киргизов, кочевавших около Иссык-Куля и западнее его, находилась под джунгарским господством.

По сведениям И. Унковского, побывавшего в 1722—1724 гг. в ставке ойратского хана, жителями ойратского государства были в то время и казахи, урянхайцы и буруты (киргизы) [32, с. 193].

Подчинив киргизов, ойраты захватывали их пастбища, вытесняли их из кочевий и уводили часть побежденных в плен. Лучшие пастбища доставались влиятельным ойратским князьям и самому хану.

В первой половине XVIII в. продолжалось наступление Джунгарии на киргизские земли Тянь-Шаня. Летом 1723 г. Цеван-Равдан перебрался со своей ставкой с Или на восточный берег Иссык-Куля, где, по некоторым данным, провел половину июля, август и начало сентября.

Борьба киргизов с ойратами длилась многие десятилетия. При Цеван-Равдане и Галданцерене значительная часть территории Киргизии находилась под джунгарским господством и большинство киргизов, покинув кочевья в Северном Тянь-Шане, переселились на юг, в районы Ферганской долины и прилегающих к ней гор. Китайский источник «Географическое описание Западного края» сообщал, что киргизы, земли которых в Кегени, Каркоре и на Темирту (оз. Иссык-Куль) были захвачены джунгарами, переселились в Андижан и жили там до падения Джунгарского государства [цит. по 63, с. 130]. Андижаном называли китайские авторы Ферганскую долину и соседние горные долины. Киргизские народные предания сохранили отголоски этих событий.

Совершая в 40-х годах XVIII в. походы в Казахстан и Среднюю Азию, ойраты приходили и в Ферганскую долину, где жили киргизы в составе Кокандского феодального объединения узбекских князей. Первым правителем Коканда был Шахрух-Аталык (умер в 1721 г.). При его сыне Абдурахиме в первой половине XVIII в. власть Коканля распространилась вплоть до Ташкента. Киргизы играли в этом ханстве известную роль. В 1745—1746 гг. ойраты вступали в военные столкно-

вения с войсками кокандского правителя Абдулкерима (второго сына Шахруха). На стороне «„абдыркаримцев“» были киргизы в числе 1000 дымов».

В «Тарихи Шахрухи» говорится: «В то время, когда установилось султанатство Абдулкерим-хана, со стороны местности Кайнар подошло войско калмыков и осадило крепость Коканда. Будучи не в силах оборонять ее, [Абдулкерим] был вынужден выдать упомянутого Баба-бека заложником» [цит. по 63, с. 131]. Таким образом, выдав своего племянника заложником, кокандский правитель признавал свою зависимость от Джунгарии. Однако киргизы, находившиеся в его войсках, продолжали борьбу и нанесли в 1748 г. серьезный урон армии полководца Доржа [54, с. 233].

Поставив Коканд в зависимость от себя, ойратские феодалы вмешивались в борьбу за кокандский престол, начавшуюся в начале 50-х годов XVIII в. после смерти Абдулкерима. Ойраты пытались посадить на трон Баба-бека, заложника, воспитанного при их ханском дворе. Однако к власти в 1753 г. пришел Ирдани, сын Абдурахима. При Ирдани киргизские феодалы продолжали играть видную роль в Коканде.

Узбеки и киргизы Ферганы до гибели Джунгарского государства находились лишь в номинальной зависимости от него. После разгрома Джунгарии киргизы вернулись на свои земли в Северный Тянь-Шань. Подавляющее большинство киргизских племен в той или иной степени зависели от Кокандского ханства, которое рассматривалось как самостоятельное крупное государство наряду с Бухарским и Хивинским ханствами.

В ходе борьбы с киргизами ойраты проникали в горные, труднодоступные районы. В 1732 г. они ходили до Кетмень-тюбе, который представлял собой труднодоступный, горный район бассейна р. Нарым. Ойратские войска доходили до Памира, даже до Бадахшана, где основным населением были таджики. Бадахшан находится на пересечении важнейших торговых караванных путей. Караванные торговые пути, шедшие через него, были известны еще с далеких времен как один из вариантов Великого шелкового пути из Китая на Запад.

По некоторым данным, ойратские князья во главе

своих войск приходили в Бадахшан по приглашению боровшихся там за власть претендентов из местной знати и вмешивались в междоусобную борьбу, получая подарки и плату за оказанную военную помощь. Ойраты пытались поставить Бадахшан в зависимое положение, они уводили заложниками знатных феодалов («Тарихи Бадахшан» приводит рассказ об уводе в ставку Галданцере на р. Или сына бадахшанского правителя [цит. по 63]).

Падение Ойрато-Джунгарского государства в середине XVIII в. не принесло киргизам полной свободы. Появилась новая угроза закабаления — со стороны цинского Китая, который в начале 60-х годов XVIII в. стремится завоевать земли киргизов и казахов. По словам автора конца XVIII в. И. Г. Андреева, после разгрома Джунгарии земли киргизов соприкасались с казахскими жузами, владениями Коканда и Китая на востоке, где киргизы «в рассуждении своей вольности никому не дают спуску» [64, с. 9]. Несмотря на сложное внешнеполитическое положение и внутренние неурядицы, разделенные на самостоятельные феодальные владения отдельных биев, киргизы иногда на время объединялись для борьбы с внешними врагами [26, с. 10].

ПРИЛОЖЕНИЕ

[О смутах в Джунгарии,
о джунгаро-казахских связях в середине XVIII в.]¹

В течение некоторого времени {Аллах} возвышал неверных,
Этих неверных врагов, то есть джунгар.
Когда дело неверных достигло совершенства,
{То их} настигло, наконец, проклятие ислама.
Так как среди неверных началась смута,
То господь явил изнутри их беду.
Когда их благоустроенность обрела совершенство,
То тот всемогущий погубил их совершенство.
Он оказал милость людям ислама,
Настигла его ярость племени джунгар.
Подобно крестьянину, который просеивает пшеницу
[И] отделяет [ее] от плевелов и сора,
Был смешан ислам с неверием,
Чтобы [затем] отделить [его] от неверия.
Он начал вращать небосвод направо,
Сделал цены для мусульман дешевыми.
Так как [он] посеял среди джунгар семя раздора,
Посеял [и] возбудил среди неверных смуту,
То они потеряли единство,
Стали мстить друг другу, между ними пала вражда,
Они готовы были погибнуть,
А девушки и парни, не ведая [ничего], били в барабан.
Тот Пир-и Камил² своим чудом,
Своими высказанными признаками
Натравил их друг на друга,
Одних подстрекнул, других рассеял.

¹ Орывок из «Ислам-наме», стихотворной хроники на староуйгурском языке, написанной примерно в 1756 г. Значительная часть сочинения повествует о смутах, возникших в Ойрато-Джунгарском ханстве после смерти Галданцэна (умер в 1745 г.). В процессе борьбы за престол отдельные джунгарские феодалы обращались за помощью к казахским владетелям, в частности к казахскому хану Аблаю. Автор «Ислам-наме» сообщает любопытные подробности об участии казахов в джунгарских междоусобицах. Некоторые из этих его сообщений не дублируются другими источниками и потому представляют особую ценность.

² Титул деятеля из Восточного Туркестана Ахмад-ходжи (внук Аппак-ходжи).

Натравил неверных одного на другого,
 Поставил перед гибелью смутьянов.
 Этот презренный мир был для Галдан-Джирана³ раем.
 Когда [он] ушел в сторону огня, темный по природе,
 Вместо него его любимый сын Аджан
 Вошел на престол, стал нойоном.
 Он поднялся тираном, не имеющим себе равных,
 Народ был очень притеснен его тиранией.
 Он принялся творить насилие,
 Юрт не мог вынести его несправедливости.
 Зайсаны были унижены перед кюбютами⁴,
 Всем опротивела жизнь.
 Несколько [человек] из них надели на голову нищенскую суму,
 Бежали к Галдан-Джирану.
 В его век люди, имеющие дочерей, жили в тревоге,
 Ночью не спали, днем подпирали двери.
 Сидели, говоря: «О хранитель!»
 Дрожали в страхе.
 Его делом было похищать их дочерей,
 Прятать их из одного места в другое.
 Наконец, его настигло проклятие народа,
 Его собственные проступки погубили его самого.
 Его юрт сговорился, схватил его,
 [И] шилом выколол ему глаза.
 Отправили [его и] посадили в зиндан,
 Препоручили его душу аду.
 Спасли всех от его притеснений,
 Сделали төрә Лама Дарджа.
 В его век бежал Даши-Даба,
 Не спасся [и] был пойман ненужный Лаба.
 Его также схватили, посадили в колодец,
 Завладели его деньгами и имуществом.
 Хотя они пытались несколько раз бежать, но не вышло.
 Весь народ пришел в волнение.
 Разрушилась одна из четырех сторон,
 Одна сторона Джунгара осталась открытой.
 Отвратили лицо опять от Лама Дарджа,
 Бежал и Дабаджи с Амурсаной.
 Вышли к казахам, вновь вернулись,
 Осадили Лама Дарджа в [его] доме.
 Пронзил [его] в это время [копьем] Амурсана,
 Ограбил в то время зайсанов.
 Кюрюты раздели много людей.
 Обнаженные, бегали [они], спасаясь бегством.
 При виде [их] росло удивление сердца,
 На взгляд [у них] был человеческий облик.
 Назвать детьми — у них есть бороды,
 Назвать взрослыми — на ягодицах нет шаровар.
 Увидев их, возьми в качестве примера их положение,
 Для кого [из своих близких] ты собираешь богатство
 этого мира?

³ Т. е. ойратский правитель Галданцерен.

⁴ Кюбюты, кюрюты — названия некоторых из ойратских родов.

Люди, которые бесились от жира,
Стали собаками, дрожащими от холода.
Как щенята стали дети беков,
Небо стало землей, земля — небом.
Он возвел на престол Дабаджи,
Бедой обратился этот короткорукый для джунгаров.
Не смог [Амурсана] преодолеть своей страсти,
Порвал отношения и вернулся в свой юрт.
Опять пришел к поздней осени, наседая, враг.
Опять Дабаджи был обречен на муки.
Пришли с западной стороны казахи,
Так как не было на их пути препятствия.
Вместе с казахами пришли Ширен и Патма-Джирен,
Некто по имени Эринджэн, ненавидящий Дабаджи.
[Они] сделали одного [человека] претендентом
[На ханский престол], нарядив [его, подобно] тōрā,
Оспаривая у Дабаджи звание тōрā.
Смотри-ка на этого коварного хитреца —
Для того чтобы рассеять род джунгаров,
Из казахов было отобрано десять тысяч человек:
Природные богатыри, бодрые, могучие казахи.
Собрались они, чтобы обстрелять кюрютов,
Чтобы уничтожить стрелявших людей.
Покорившемуся элю будет очень большая польза.
Непокорившийся народ будет уничтожен.
Ударил [из пушек] франк по имени Ананти⁵,
Этот франк был прославлен среди джунгар.
Большинство из них бежали, чтобы защитить жизнь,
Какое место было укрепленным, [там и] укреплялись.
Потом, когда мы разведали, войско их оказалось не столь уж
сильным.

Цель их была поймать юрт в ловушку,
Такой ловушкой запугать народ,
Испугать также тōрā и тушэмелов.
[Они] пришли, чтобы разрушить этот Джунгар,
[Но] никто не вышел навстречу им, чтобы преградить им путь.
Вошли в юрт с угрозой,
С тяжелым несчастьем, подобно Сатурну.
Каждый из них в суровости был подобен Марсу,
Сам, как гвоздь, слова его, как острый прут.
Разинул пасть, как баснословный дракон,
Потянул в себя воздух, чтобы проглотить людей этого юрта.
Уничтожил много людей, грабя,
Слизнул, подобно Яджуджу и Маджуджу.
Не осталось улуса ни подчинившегося, ни неподчинившегося,
Съедали [любого] встречного, говоря: «Обязательно съем».
Захватили много людей в добычу,
Денег и имущества взяли у них много, без счета.
Не оставили несъеденными никого из тех, на
Кого у них хватило силы,

⁵ «Франками» мусульмане называли жителей Европы. Известно, что в XVIII в. ойратам оружие изготавливали беглые и пленные русские мастера, а также ссыльные шведы.

Сколько много ни ели бы, [все] не насыщались.
[Они] стремились развеять юрт,
Многие обжитые места они разрушили.
И Дабаджи не пришел [на защиту их],
И они до его места не дошли.
Говорят: «Плохая [ловчая] птица — метка на сову».
Эта пословица прежнего [времени] оказывается верна.
Съели, прикончили простачков,
Всех богачей сделали нищими.
Во все стороны от Дабаджи пошли посланники.
[Так как] войско не собралось быстро к Дабаджи.
Несколько дней с этой стороны была задержка.
Да к тому же по реке поплыл лед.
Нельзя было Дабаджи перейти на эту сторону,
Не позволили [и] этим перейти на ту сторону.
Между ними была препятствием река.
Месяц они простояли, не будучи в состоянии сойтись.
Эти джунгары прежде были как лисица,
К Дабаджи поневоле были [вынуждены собраться].
Рассыпались числом с просо,
Стояли враги, точь-в-точь как курица.
Позже опомнились неверные,
Собрались, бескрайним войском стали.
Посоветовались: «Если теперь не соберемся,
Казахи, пришедшие вместе с Эринджэном,
Этой зимой всех нас смогут уничтожить,
Расстроят весь этот юрт».
Сказали [так], стали все едиными в словах и в помыслах,
Пришли к Дабаджи, принесли извинение.
Решили перед ним отдать жизнь,
Решили воевать с казахами.
В тот час, когда Или замерзла,
Дабаджи тронулся [и] перешел по льду.
Неделю сражался [он] с Эринджэном,
Наконец, одолел Эринджэна.
Однажды ночью, не ложась спать, люди Эринджэна
Пробрались в кош к Дабаджи.
Подняв гвалт, они вдруг испугали эль,
Перепугали, отбив память у кюрютов.
Дабаджи заметил [это], немедленно сообразил,
Удержал этот испуганный народ, привел в порядок.
Преследуя по пятам, он так их [врагов] пронзал [копьем],
Что на дорогах кровь врага стала морем.
Эринджэн с казахами поневоле
Скрылся, бросившись в сторону запада.
Дабаджи неотступно преследовал их,
Когда настигал — стрелял из пушек.
Нагнал, не дав достигнуть Алтын-Эмея,
Показал казахам свою джунгарскую доблесть.
Всю добычу отнял у них,
Все кюрюты насытились деньгами.
Сами казахи бежали верхами,
[А] Дабаджи вернулся, [высоко] подняв голову.
Соединил родных с родными, не позволили разлучить,

Передали пленных в свои места.
Вновь он [Дабаджи] водворился на престоле,
И эти напасти не причинили ему никакого вреда.
Но хотя и закрепилось за ним имя төрә,
Не было ни мгновения ему покоя [39, с. 425—430].

[Сведения о переселении ойратским хунтайджи населения Сайрама в Джунгарию]¹

Около двухсот лет тому назад по отношению к юртам этого Могулистана на месте хана и в имени төрә возвеличился и воцарился в Или нечестивый калмак по имени Кунтаджи, так что власть его распространилась на восточной границе до Комула и Баркуля, на западной границе — до Ташкента и Сайрама, на южной границе — до Карангу-Тага.

Когда он неожиданно выступил в поход, захватил и подчинил Ташкентский Сайрам, назначил вместо себя старшим в Сайраме одного калмака и еще нескольких калмаков оставил [ему] в сподвижники и помощники, [а сам] пришел на границы Или, сайрамцы убили упомянутых калмаков и, отвергнув повиновение, вышли из подчинения.

После того как несколько [человек] из них [сайрамцев], спасая свои жизни, прибыли к Кунтаджи и подробно донесли о том, что произошло, Кунтаджи, не заходя в Или и произнеся по своим обычаям торжественную клятву, вернулся в Сайрам, второй раз овладел им, перебил некоторое количество людей и подверг [город] грабежу.

Люди Сайрама [делятся на] три племени, то есть на три рода: род ходжей, шахский род и эмирский род.

Отобрав из этих трех родов по двадцать семей наиболее знатных и великих [людей], а всего шестьдесят семей с их домочадцами и детьми, он, переселив [их], привез в свою столицу Или. В Или он держал их около года или несколько более или менее того, а затем отправил в Кона-Турфан. Около двух лет [они] жили в Турфане [69, с. 486—487].

¹ Эти сведения вносят ясность в понимание истории развития оседлоземледельческого хозяйства в Джунгарии в XVII—XVIII вв.

[Мятеж Худабанде-султана]¹

<...> Мухаммад-хан отправил [его] (т. е. Абд ар-Рахим-хана) вместе с мирзой Шахом в Джалиш и Турфан, чтобы он управлял той страной. В ту пору в тех краях Худабанде-султан, сын Курайш-султана, захватил с помощью Тауке-хана казаха Джалиш и Турфан. Как только Абд ар-Рахим-хан и мирза Шах прибыли в Турфан, Худабанде-султан запросил помощи у калмаков. Калмаки явились на помощь, и они же выдали Худабанде-султана Абд ар-Рахим-хану и мирзе Шаху [82, с. 176].

¹ Мятеж Худабанде-султана имел место в 90-е годы XVI в. С помощью ойратов султан пытался сохранить свою власть в Чалыше и Турфане, однако в 1695 г. был разбит войсками центрального правительства.

**[Рассказ о вражде Мухаммад-Хашим-султана
с Абд ар-Рахим-ханом]²**

Мухаммад-Хашим-султан родился от дочери Мухаммад-хана. Его называли *ханзаде*. Обиженный на Шуджа' ад-Дина Ахмад-хана, он ушел в Кусан. После чего между Мухаммад-Хашим-султаном и Абд ар-Рахим-ханом вспыхнула ссора и началась вражда. Мухаммад-Хашим-султан обратился за помощью к калмакам, и от калмаков она пришла. Абд ар-Рахим-хан также приготовился к сражению. А когда ряды противников сошлись, все войско калмаков устранилось от участия в сражении. Когда с двух сторон завязалась битва, поражение выпало на долю Мухаммад-Хашим-султана. Едва только он потерпел поражение, как калмаки тут же напали на него и приняли сторону Абд ар-Рахим-хана. Мухаммад-Хашим-султан засел в крепости, а калмаки ушли, захватив добычу... [82, с. 179—180].

**[О битвах с ойратскими полководцами Сереном,
Сумэром и Конджином]**

В то время как хан отправился на охоту в Панги-Хисар, со стороны калмаков пришли Конджин, Серен и Сумэр и напали на [удельное] владение Хотан. Мухаммад-Мансур-бек, возглавив войска, вышел из крепости. Между противниками произошла жестокая сеча, и Мухаммад-Мансур-бек и мирза Шахбаз чурас были убиты. Благодаря мужеству Ибрахим-султана владение Хотан избавилось от неверных. Хан, поставив во главе войск Шах-Мансур-бека и Субхан-Кули-бека, отправил [их] в погону за калмаками. Эмиры калмаков не догнали и возвратились через Баки-Дун. На следующий год Сумэр и Серен напали на Аксу и, захватив пленных и добычу, повернули назад. Мирза Шах-Касим урда-биги был хакимом Кусана, а Хан-Кули-бек находился в укрепленном поселении Бай. Когда появились Сумэр и Серен, Шах-Касим-бек пришел из Кусана в Бай. Вместе с Хан-Кули-беком они хитростью схватили Серена и Сумэра, а их людей обобрали и перебили. Шах-Касим-бек, поручив Сумэра Хан-Кули-беку и взяв с собой Серена, возвратился в Кусан [82, с. 212—213].

**Рассказ о походе хана на Атбаши и Аксай
и об убиении Хасан-бека**

Объяснение сему событию таково. Стало известно, что в Атбаши поселилось какое-то число калмакских семейств-кибиток. У хана возникло желание напасть на них. Посовествовавшись со столпами государства и приведя войско в готовность, он выступил. Иулбарс-хан стоял авангардом центра. Тини-бек бикчик — авангардом правого крыла, а Хаким-султан — авангардом левого крыла...

² Мухаммад-Хашим-султан — сын Худабанде-султана. Он, как и его отец, пытался с помощью ойратов захватить власть в Турфане и Чалыше в самом начале XVII в.

Словом, они достигли Атбаши. Бугучи-бек, сбившись с пути, неожиданно столкнулся с калмаками. Предупрежденные [таким образом], калмаки бежали в сторону Нарына. Посовещались и порешили: «Через перевал Бугач войдем в Аксай. Если Элдан-тайши встретится [нам], то ведь в этом и состоит наше желание. В противном случае возвратимся обратно». Когда они, миновав Бугач, достигли Аксая, в тылу войска [неожиданно] объявились Ибрахим-хан, Хасан-бек и Чучкин, что был сыном [калмацкого] тайши. Хан провел ночь там в крайнем беспокойстве. Поутру, когда они откочевали, вновь появился Ибрахим-султан с челядью и приближенными. Хан тут же стал лагерем, поставил во главе стана Шах-бека и Тулак-бека, а сам пустился преследовать Ибрахим-хана. Ибрахим-хан, со всей быстротой поднявшись на вершину горы, там укрепился [82, с. 226—227].

Рассказ о походе 'Абдаллах-хана на Иулдуз и Джалиш и понесенном им поражении³

Объяснение снм обстоятельством таково || До тех пор пока Ибрахим-хан находился в Джалише, [‘Абдаллах-]хан не мог спокойно выпить и глотка воды, чтобы не подумать о походе на Джалиш. [В результате] он выступил, оставив в Иарканде Мухаммад-Сиддик-халифа. Сариг-кази и Кепек-бека; ходжу Мухаммад-‘Абдаллаха он сделал [своим] попутчиком. Нур ад-Дин-хан встретил [его] со всеми эмирами Аксу и Уча... Ибрахим-хан, Исма‘ил-хан и Элдан-тайши (то есть Элден-тайджи.—Ш. Ч.) оставили [крепость] Джалиш и ушли на окранны волости. Хан продолжал двигаться своим путем, когда Шах-Баки-шах сообщил, что несколько... и один лама поднимаются с низины в возвышенные места Джалиша. Хан отрядил человека вместе с Шах-Баки-беком, и имущество тех людей досталось мусульманам. Мирские заботы хана столь овладели им, что, когда люди захватили имущество ламы и попрятали его, он распустил их двойные выюки и, обнаружив утаенное имущество, сказал: «Мы берем». Выступив еще до зари, он пришел в Каналга. В тот день войско находилось в таком беспорядке, что, говоря по правде, его [как бы] не стало... Серен, Элдан-тайши, Ибрахим-хан, Исма‘ил-хан и некоторые другие царевичи подошли с тыла. Народ Кадарку бежал, завидя Элдан-тайши. Часть их присоединилась к Нур ад-Дин-хану, другие же, сбившись с пути, подошли к Мухаммад-Му‘мин-султану. Фулад-бек и несколько эмиров предложили: «Давайте соединимся с [‘Абдаллах-]ханом». Однако Мухаммад-Му‘мин-султан не согласился: «Если мы бросим ханского сына в окружении калмаков, то как мы будем держать ответ перед ханом». Так молвив, он там же и остался.

³ Этот поход Абдаллах-хана в Чалыш (Джалиш) был вызван тем, что находившийся в ссылке его брат Ибрахим установил тесный контакт с ойратами. Судя по некоторым данным, Ибрахим и другой брат Абдаллах-хана, Исмаил, находились с Элденом и другими ойратскими военачальниками в военном союзе, имевшем целью противостоять Абдаллах-хану.

Словом, Серен и Элдап, пустившись преследовать Кадарку, окружили Нур ад-Дин-хана. Нур ад-Дин-хан взял карнай и приказал Кабил-халифа трубить в него. Все собрались воедино на зов карная и засели в крепости Шуршук. Серен осадил Нур ад-Дин-хана, а другие [калмаки] преследовали хана и войско. Когда они [их] настигли, султаны... и еще кое-кто, что заключили промеж себя договор и соглашение, разбили единый лагерь. Только появилось калмакское войско, как Ташлан-бек и Акбарак-бек, расстроив боевой порядок, обратились в бегство. Все ударились в бегство. Войска сразу же рассеялись в полном беспорядке. Мухаммад-Му'мин-султан и Фулад-бек пытались остановить [их], но это ни к чему не привело, [тогда] они также бежали с поля боя. Фулад-бек, Араб-бек и еще некоторые утонули в реке Каналге. Мухаммад-Му'мин-султан и Абд ар-Рахман-бек присоединились к хану. Хан выступил против калмаков.

Лошади у войска до такой степени отошали и ослабели, что многие из воинов ехали верхом на быках. По сей причине большая часть войска не отправилась вместе с ханом. Хан с меньшей частью [своих] войск пошел на врага...

Идрис-бек, оценив создавшееся положение, так посоветовал: «Поскольку дело уже проиграно, то на сей раз мы [лучше] не пойдем. Дело выйдет как-нибудь в другой раз». Когда хан узнал, что [его] мнение таково, он поступил согласно речам Идрис-бека и бежал. Враг наседал. Калмаки пустились преследовать...

Короче говоря, Серен и Элдап[-тайши] замирились с Нур ад-Дин-ханом и пропустили [его]. Нур ад-Дин-хан, оставив заложниками таких трех эмиров, как мирза Тини-бек бикчик, мирза Мухаммад-Латиф-бек и Улджетай-бек, появился в Аксу. Только [Абдаллах-]хан вышел из города и пришел в Ханым-..., как следом прибыл Нур ад-Дин-хан с эмирами и представился хану. В ту пору, когда они оба в Иулдузе совершали набеги на калмаков, между ханом и его сыном одно время случилась размолвка и поднялась взаимная обида. Сейчас же хан утешил и ободрил сына и, пожаловав ему владение Кусан, дозволил удалиться, сам же он отправился в Иарканд [82, с. 227—230].

Рассказ о том, как осадил Сенгэ⁴ укрепленное поселение Керию, и о том, как для его отражения повели войска хан и Иулбарс-хан

Объяснение сему событию таково. Галдама пришел в [область] Аксу и произвел нападение, но, замирившись с Нур ад-Дин-ханом и утихомирившись, ушел. Затем он вторгся в Кашгар и, произведя разор и разгром, захватил крепость Карадун. В этой крепости был убит сын Абулая⁵...

Сенгэ, завидуя Галдаме, поспешил напасть на Керию и с пятью тысячами отборных бахадуров появился под Керией. Хакимом Керии был Худайберды-бек. Он направил к хану человека [с извещением], но вместе с тем [ему] еще не было известно, кто мятежник — Сенгэ

⁴ Сенгэ — ойратский правитель Сенге (1663—1671).

⁵ Имеется в виду Аблай-тайджи хошутский, брат известного Очирту-Цецен-хана, противника Сенге. Галдама — сын Очирту-Цецен-хана, род. в 1635 г.

или кто-либо другой. Хан послал в помощь всех эмиров и все войско Иарканда. А из Хотана с хотанским войском выступил «Убайдаллах-султан... Всего войско насчитывало приблизительно десять тысяч человек... Поскольку в Лайсу пришло проверенное сообщение, то [эмиры], изготовив оружие и припас для битвы с Сенгэ и испрошив помощи у бога, выступили на врага. Когда Сенгэ узнал [об этом], он оставил Керию и ушел к Аджйану... Хан принял такое решение, чтобы, пройдя Нийа, преградить дорогу Сенгэ. Люди из авангарда донесли, что Сенгэ еще не проходил. Ханы обрадовались и тронулись навстречу Сенгэ.

Словом, они встретились с Сенгэ, и произошла жестокая битва. Иулбарс-хан, собрав [своих] людей, потребовал у хана разрешения на отдельный отряд. Когда Сенгэ появился с воинами, выстроенными в боевой порядок, мирза Тини-бек с братьями и родственниками, Суфи-ходжа и мулла Йусуф-ходжа со своими последователями, Касим-бек и мир Йусуф-ходжа составили один отряд, а Наки-бек, Хайдар-бек, Идрис-бек и Буракай-бек со своими людьми также составили отдельный отряд. Эмиры Иулбарс-хана образовали особый отряд. Ханы стремительно пошли на сближение. Сенгэ трижды бросался в сражение — сражение столь яростное, что [от столкновения войск] горы сдвигались с мест, однако мирза Тини-бек со своими спутниками [всякий раз] мчался вперед, спешивался, силой отбрасывал Сенгэ, а сам не оставлял позиции. Так и получилось, что Сенгэ отступил и запросил мира. Хан же, заключив перемирие, пропустил [его] [82, с. 231—233].

[О намерениях некоторых беков, сторонников Иулбарс-хана, перейти на сторону калмаков]

Иулбарс-хан⁶ родился от дочери мирзы Абу-л-Хади Макрита. В восьмилетнем возрасте он был поставлен наместником Кашгара и тридцать лет провел там. По своей природе он имел склонность к насилию и смуте. Жители Кашгара обеднели, пребывали в расстроенном и несчастном положении. О людях ратных же он не пекался, но вместе с тем наказывал по малейшему подозрению. Одним словом, прав его был неровным... Из киргизов и калмаков, коих называют карайанчук, он [также] многих взыскал, таких, как Дуле-бек, Туйджи-бек, Турумтай-бек, Кесек-бек, Султан-Кули-бек, Кармишак-бек и прочие. Когда Иа'куб-бек и Рафи'-бек покинули сей мир, Шахбаз-бек скончался от застарелой раны, и он сделал Дуле-бека [своим] аталыком и хакимом Кашгара, карайанчуки взяли великую силу. Люди благородные сносили обиды, но злоба и непослушание засели в их голове. Как раз в это время 'Абдаллах-хан и Нур ад-Дин-хан бежали от Элдан-тайши. Дуле, Турумтай, Ташлан, Кесек, Султан-Кули и еще кое-кто из этих людей заключили договор и соглашение: «Давайте выступим против Иулбарс-хана и примем сторону Очурту-хана (т. е. ойратского Очирту-Цецен-хана. — Ш. Ч.), ибо после этого [поражения] калмаки овладеют сим государством». Так сказав, они объявились в Мигаре на берегу Тумена. || Но некоторые из них не пришли, и прежде всего Дуле-бек, который был из отборной части того народа. [В результате] все они вернулись к

⁶ Т. е. Юлбарс-хан.

своим родным местам. Турумтай-бек был мужем богатым и состоятельным. Он возвел склеп и спрятал внутри двух могил [ценное] имущество, дорогие ткани и драгоценности. Умысел его состоял в следующем: «Если мы сами уйдем к калмакам, то унести [с собой] имущество трудно. Когда вернусь, тогда и возьму» [82, с. 234].

Рассказ... о бегстве Иулбарс-хана к калмакам ⁷

...[Абдаллах-]хан и Нур ад-Дин-хан встретились в местности Тойгут, выставив группу воинов в сторожевой отряд. Миновала одна ночь с той поры, как Иулбарс-хан, замыслив бежать, послал своих эмиров на сражение с отцом, а сам в полночь, пробив выход в крепостной стене, ушел прочь. За некоторым из эмиров он послал человека и сделал [их] своими попутчиками...

Когда войско, что ушло в погоню за тем отцескорбителем, вернулось в Иарканд, хан милостиво обошелся со своими эмирами. Однако кашгарских же эмиров, а из своих и Шах-Баки-бека с сыновьями, и мирзу Ширдака шигавула и еще некоторых бросил в темницу. Спустя несколько дней он выпустил [их] из темницы, потому что большинство из них... были саййидами по происхождению. Эти, ныне уже усопшие, эмиры были с головой выданы калмакам, и [хан] заставил их тем самым испытать из рук калмаков около Бай-тюбе напиток мученической кончины [82, с. 237].

Рассказ о кончине Нур ад-Дин-хана, времени его царствования... ⁸

...Когда 'Абдаллах-хан пожаловал также Нур ад-Дин-хану и владение Кашгар, тот обосновался в Кусане. День и ночь проводил за вином... Насилие, произвол и резня поставили народ в столь тяжкие условия, что [их] просто невозможно описать... в то время пока [Нур ад-Дин-]хан находился в Аксу, он постоянно общался с улемами, заботился о подданных, ходил походами против калмаков, сражаясь за веру и добывая добро... Он прожил тридцать один год и правил восемнадцать лет [82, с. 237—238].

Рассказ об отъезде 'Абдаллах-хана из владения Иарканд и о тех событиях, что произошли в ту пору ⁹

...Когда Нур ад-Дин-султан распрощался с сим бранным миром... Иулбарс-хан при поддержке Очурту напал на владение Кашгар. Поскольку кашгарские эмиры враждовали между собой, то жители Артуджа и Аргу вышли навстречу Иулбарс-хану. Иулбарс-хан, несколько усилившись, подошел под стены крепости Кашгар. Мирза Султан-'Али, боясь расправы со стороны Койсары, переметнулся к Иулбарс-хану, и распря усилилась. Иулбарс-хан, потеряв

⁷ После битвы с ойратами в 1664 г. между Абдаллах-ханом и сыном его Юлбарсом возникло взаимное недовольство, которое переросло в распрю. Юлбарс бежит к ойратам.

⁸ Нур-ад-Дин-хан правил в Кашгаре год и умер летом 1667 г.

⁹ Абдаллах-хан бежал из Восточного Туркестана в 1667 г. и прибыл в Индию весной 1668 г.

надежду взять Кашгар, ушел восвояси. Люди, что переметнулись к Иулбарс-хану, также ушли [с ним].

От страха в натуре [‘Абдаллах-]хана произошли глубокие изменения. Страх хана усилился, и он замыслил бежать. Тут из Кашгара пришло известие, что Иулбарс-хан ушел восвояси... Хан, [однако], не поверил и занялся подготовкой к паломничеству в Мекку...

Одним словом, он послал в погоню за Иулбарс-ханом киргизское войско числом около двух тысяч человек. Едва киргизские эмиры пустились в путь, как хан, забрав своих челядинцев и близких, направился в Хиндустан (т. е. в Индию.— Ш. Ч.) [82, с. 239].

Рассказ о правлении его величества Исма‘ил-хана во владении Аксу, Уч, Кусан и Бай¹⁰

...Когда ‘Абдаллах-хан, распростившись с престолом своих отцов и дедов, отбыл в Хиндустан, ходжа Мухаммед-‘Абдаллах со всеми последователями и приверженцами... ушел в Аксу... Эмиры Аксу, договорившись промеж себя, направили к Элдан-тайши человека [сказать]: «Пусть он приведет в Аксу его величество Исма‘ил-хана». Элдан забрал [Исма‘ил-]хана и вместе с ним Каракакул-султана, и они пришли в Аксу. Эмиры толпа за толпой приходили на поклон к хану. Государство устроилось. Когда они повели войска на Иарканд, [Элдан-]тайши послал вместе с ними своего сына Элпу...

Когда стал распространяться слух о прибытии Иулбарс-хана, жители Кашгара разделились [на две партии], так как одни желали Иулбарс-хана, другие не желали. В этот момент начал действовать мирза Шариф бикчик и склонил большинство жителей на сторону Иулбарс-хана... Жители [Иарканда] пребывали в сем состоянии растерянности, когда пришло доподлинное известие от Иулбарс-хана и люди [его] стали приезжать один за другим. Прибыв, люди Иулбарс-хана совместно с малой Кара-ходжей и ‘Аваз-беком изготовили крепость к обороне и начали посылать гонцов к Иулбарс-хану одного вслед за другим: дескать, чем скорее бы он собрался [и пришел], тем лучше; в противном случае дело пропало. Иулбарс-хан, выйдя среди ночи из Кашгара, изготовил войска к сражению в Пай-Кобаке. У подножия крепости [ему навстречу] вышли знатные люди города и представились. В местности Тугач, что недалеко от города, его войско встретилось с [войском] хана, и произошло жестокое сражение. Поражение выпало на долю [Иулбарс-хана], и победа досталась Исма‘ил-хану. Однако Иулбарс-хан заранее укрепился в городе, поэтому [Исма‘ил-]хан, приободлив свои войска, отправился в обратный путь [82, с. 240—242].

Рассказ о восшествии Иулбарс-хана на престол государства

Когда Исма‘ил-хан возвратился в Аксу, собрались сановники и вельможи из Иарканда и Кашгара и провозгласили Иулбарс-хана

¹⁰ После бегства Абдаллах-хана вопрос о наследнике на ханский трон в Восточном Туркестане фактически решали ойраты, в среде которых имелись две группировки. Группировка ойратских феодалов во главе с Сенге и Очирту-Цецен-ханом выдвигала на ханский трон Юлбарс-хана, а группировка Элден-тайджи выдвигала Исма‘ил-хана.

государем. Такие его старшие эмиры, как мирза 'Али-шах, Хашим-бек и прочие, еще оставались у калмаков, при нем же состояли Мухаммад-Баки, Каландар и некоторые другие... Государство устроилось. Однако в [своих] продуманных действиях он допустил промах. Поскольку по своей натуре он был склонен к жестокости, он приказал перебить оставшихся в Иарканде членов семей, включая женщин и малых детей, тех людей, которые уходили в Аксу вместе с ходжой Мухаммад-'Абдаллахом. Затем он призвал Каландар-бека и поручил ему войско Иарканда и Хотана, войско же Кашгара и Ианги-Хисара он установил Ташлан-беку и послал [их] на Аксу и Уч... Соединившись с людьми из Уча, хан (т. е. Исмаил-хан. — Ш. Ч.) силою удали разом опрокинул войско Иулбарс[-хана]. Некоторые спаслись бегством, большинство попали в плен ханским войскам... Лишь немногие из каждого отряда спаслись и прибыли пристыженные к Иулбарс-хану. Иулбарс-хан, удрученный и расстроенный, несколько раз порывался бежать, но мирза 'Али-шах не допустил [этого] [82, с. 242—243].

**Рассказ о прибытии Сенгэ с целью оказания помощи Иулбарс-хану,
о выступлении Исма'ил-хана против Сенгэ,
о походе Иулбарс-хана, поддержанного Сенгэ,
и об их возвращении восвояси**

Объяснение сих речей состоит в том, что, когда Элдан-тайши пришел к [Исма'ил-]хану и рассказал об этом, жители Аксу решили на следующем: «Мы не подчинимся и подготовим все необходимое для обороны крепости». Тайши высказался так: «Я выступлю навстречу и дам сражение». Суждение [Элдан-]тайши хан признал верным, и они выступили, чтобы сразиться с Сенгэ. Произошла жестокая битва. Поражение выпало на долю мусульман, а мирза Хаким-бек испил напиток мученической смерти из рук неверных. Знамя Анвар-бека попало к неверным¹¹. Сенгэ, отправив знамя Анвар-бека с Эрка-беком¹² к Иулбарс-хану, побуждал его к тому, чтобы он спешно пошел на Аксу. Иулбарс-хан выступил в поход на Аксу. В местности Арал он соединился с Сенгэ, и они пошли на укрепленное поселение Уч. Жители, засев в крепости Уч, оказали сопротивление Иулбарс-хану. Осада затянулась. Мирза 'Али-шах, что был верховным эмиром Иулбарс-хана, с отрядом кашгарских и йаркандских эмирзаде атаковал главные ворота и захватил внешние укрепления крепости. Жители Уча вновь собрались с силой и, выйдя из крепости, вернули [укрепления] обратно. Они перебили около трехсот человек. Сенгэ послал к нуйгутам человека [с людьми]. Они, убив предводителя нуйгутов, которого звали Сатиб-Илды, схватили [всех] нуйгутов и привели к Иулбарс-хану. Иулбарс-хан усомнился в Сенгэ и пожалел о том, что пришел. Чтобы выволнить себя, он передал государство Сенгэ, а сам решил податься на службу к отцу. Сенгэ отдал царство младшему сыну Иулбарс-хана, которого звали Абу Са'ид-султан, его атаком он поставил мирзу 'Али-шаха, Исфандийар-бека он назначил управлять Кашгаром, 'Аваз-бека — *ишикага*, муллу Кара-

¹¹ Неверные — ойраты, проповедовавшие буддизм.

¹² Т. е. Эрке-беком.

ходжу — кази. Каждому он определил должность сообразно его положению. Эрка-бека он отправил с отрядом в тысячу человек на охрану государства. После того как Иулбарс-хан принес разнообразные регалии, что приличествуют сану государей, и передал [их] Сенгэ, он, распрощавшись, возвратился в свой стольный город [82, с. 243].

Рассказ об исходе [дела] Иулбарс-хана, о царствовании 'Абд ал-Латиф-султана...

Когда Иулбарс-хан возвратился из похода, он отступился от тех речей, что прежде говорил Сенгэ, и распростер руку насилия над подданными. Алчность... прочно засела в его природе, а жестокость — в его натуре... Государство было совершенно разорено. Он убил Да'уд-ходжу — брата 'Али-шаха, что был столпом его державы. Поэтому тот жаждал мести, но не располагал средствами. Эрка-бек страдал при виде положения мусульман, но он тоже не проявлял [своих чувств]. Как-то 'Али-шах пожаловался Эрка-беку на обстоятельство, при коих был убит его брат, с тем чтобы Эрка-бек сохранил в тайне это признание.

Словом, они объединили свои усилия с целью убить Иулбарс-хана. Эрка-бек посоветовался с Ушка-Джайсаном. Тому сначала [предложение] показалось разумным, но затем он отказался от [своего] суждения. Когда Эрка-бек увидел, что [обстоятельства] складываются не в его пользу, он так сказал: «Я задумал сие дело, но в одиночку его не осилить. Если ты и мирза 'Али-шах поможете мне, то этого будет достаточно».

Короче говоря, как-то ночью эти два благородных мужа в сопровождении калмаков подошли к дверям дворца хана. Когда 'Али-шах-бек отвратился от своих слов, Эрка-бек [ему] не последовало: «Освободить мусульман от этого тирана есть дело к тому же неременное. Вы не огорчайтесь, в истинно богоугодном деле господь станет товарищем и охранителем, если того пожелает Аллах всевышний». Так сказав, он воодушевил 'Али-шах-бека. Они, сокрушив семь дворцовых дверей, вошли внутрь. Эрка-бек волоком притащил того тирана на площадь и избавил землю от его гнусной сущности. Мусульмане освободились от его гнета и насилия, люди вознесли молитву во здравие того славного эмира. 'Али-шах-бека назначили управлять Иаркандом, 'Аваз-беку предоставили должность *ишикага*. Ханом провозгласили 'Абд ал-Латиф-султана, сына Иулбарс-хана. Сам же Эрка-бек должности не принял. Жители всей страны наслаждались покоем и благоденствовали... [82, с. 244—245].

Рассказ о родословной Эрка-бека¹³ и о некоторых из его обстоятельств

Так передают. Предок Эрка-бека был во времена Султан-Иунус-хана влиятельным эмиром из народа арлат, среди свободных лю-

¹³ Эрке-бек, приближенный ойратских правителей Батур-хунтайджи и Сенгэ, 21 год находился на ойратской службе, родом из Средней Азии (из Сайрама).

дей Сайрама он стал кедхудой (т. е. управляющим хозяйством. — Ш. 4.). Его дети [и потомки] выросли там с такой родословной: Эрка-бек сын Тахир-бека сына Дервиш-бека сына Садик-бека сына Шукур-бека. Вместе с тем Эрка-бек в двадцатилетнем возрасте оставил Сайрам и, двадцать один год проведя в ставке *хунтайши*¹⁴ и СENGЭ, сделался авторитетным и могущественным. СENGЭ, собрав своих подданных и челядинцев, повел войска на Чахар. Они, делая переход за переходом около шести месяцев, настигли чахаров. Чахары, также приведя в боевой порядок и подготовив войска, изготовились к сражению с СENGЭ. Эрка-бек показал в том сражении такую отвагу, с какой не бились ни Рустам сын Дастана, ни юный Ирадж¹⁵ и какую проявил Эрка-бек. Благодаря мужеству Эрка-бека войско чахаров не только было разбито, оно было обращено в прах. СENGЭ поднял [Эрка-бека] из пыли ничтожества [и возвел] до степени величия.

После того как СENGЭ вернулся из похода на Чахар, калмакские молодцы и бахадуры одобрительно отзывались об отваге и мужестве Эрка-бека. Если выпадало тяжелое и опасное дело, то Эрка-беку поручали [его выполнить]. Конечно, этого было достаточно. Когда для СENGЭ стали ясными его рассудительность и мужество, он, отрядив триста человек, послал Эрка-бека на Урус¹⁶. Только они достигли той волости, как урусы проводали [об этом], и почти шестьсот снаряженных людей выступили против Эрка-бека. Спутники его были полонены сном беспечности, когда господь всевышний предостерег Эрка-бека. Тот не мешкая выступил в сопровождении двадцати человек. Когда они установили, что войско урусов — все вооружены, одеты в кольчуги, то изготовились к кровопролитию (?). Эрка-бек, обратившись с просьбой о помощи к престолу обладателя славы, ударил на врага. Добившись победы, он изгнал врага на поток и разорение. Спаслись лишь немногие, остальных всех перебили. Спутники Эрка-бека пошли на крепость урусов, а сам он пустился следом за теми, кто убежал, и, уничтожив их, подошел к крепости после калмаков — видит, что они стоят вдали [от крепости]. Обругав и обвинив калмаков в нерадивости, он напал на крепость и привел защитников крепости в крайне тяжелое положение. Среди урусов было некоторое число подданных СENGЭ. Они забрали у них выходящие за пределы счета подношения. Эрка-бек возвратился из того похода с новой победой и несчетной добычей. Выделив долю из захваченных военных припасов, оружия, дорогих вещей, красного товара и тканей — словом, из всякого рода добычи по девятке, он послал [ее] СENGЭ.

Когда СENGЭ воочию узрел подобные деяния сего достойного доверия эмира, он отправил его в Хатай править посольство к Даймехану. Эрка-бек, обратившись с просьбой о покровительстве к престолу, удовлетворяющему нужды всех, исполнил посольство и возвратился в полном здравии и с совершенной репутацией. В то время когда СENGЭ [вновь] повел войска на Чахар, произошло жестокое

¹⁴ Подразумевается Батур-хунтайджи (1634—1663), один из первых правителей Ойрато-Джунгарского ханства.

¹⁵ Герои и персонажи «Шах-наме» Фирдоуси.

¹⁶ Имеются в виду русские поселения, остроги и крепости на юге Западной Сибири.

сражение. В нем Эрка-бек также проявил столько мужества, с каким бы не бился в подобном сражении ни Рустам сын Дастана, ни юный Ирадж. Сенгэ возвел Эрка-бека в высочайший ранг. Аллах всевышний ниспослал Эрка-беку озарение. Постоянно он стремился к тому, чтобы поселиться в стране ислама, став почитаемым эмиром. Он когда он устроился в стране ислама, став почитаемым эмиром. Он всецело предан делу и благоустроил государство ремонтом такого рода зданий и сооружений, как рабаты, хаузы, мосты и мечети, которые вот-вот бы разрушились. В века останутся следы богоугодных деяний этого эмира, если того пожелает Аллах всевышний [82, с. 245—247].

Рассказ о восшествии на ханский престол его величества Исма'ил-хана...

Исма'ил-хан — муж праведный, благочестивый, отважный и справедливый. В настоящее время на вершинах вселенной он взывает добродетель и расстилает справедливость. По своим правственным качествам он походит на 'Абд ал-Карим-хана.

Когда убили 'Али-шах-бека, Эрка-бек и Ушка-Джайсан выступили к Кашгару. Они отправили к хану Баки-бека и Худай-Берды киракйарага сказать: «Пусть он идет на Иарканд». Хан, подготовив необходимые для боевых действий оружие и припасы, выступил на Иарканд. Элдан-тайши отправил вместе [с ним] своего старшего сына Чучкина. Из Кусана с многочисленным войском подошли Бахрам-султан и Хайдар-бек... Исма'ил-хан построил в боевой порядок правое и левое крыло и центр армии и расположился в местности Кисимчи. В тот же самый день около Ашйа-йи Хумдан произошла жестокая битва... Хан повернул обратно и, расположившись во дворце Кызыл-Масджид, собрал совет. Чучкин, Ходжа-Иар и некоторые другие считали за лучшее возвратиться в Аксу, Эрка-бек и Хайдар-бек побуждали пойти на Каргалык. Короче говоря, порешили на этом.

Хан стал лагерем, охватив крепость (т. е. Каргалык.— Ш. Ч.) кольцом. Войско он разделил на четыре отряда, сообразуясь с четырьмя сторонами крепости, и поставил во главе каждого начальником какого-либо эмира... В конце концов победа была одержана, пристыженные и сконфуженные [защитники] вышли на поклон к хану. Хан всех их помиловал и направился к Иарканду... Был понедельник 11 числа месяца зу-л-ка'да 1080 (=2 апреля 1670) года, когда ходжа Мухаммад-'Абдаллах и Исма'ил-хан радостные вступили в Иарканд. Собрались вельможи и эмиры, люди низкого и благородного происхождения и согласно древнему обычаю провозгласили [его] государем [82, с. 247—248].

Рассказ о том, как Абу-шах схватил Бахрам-султана сына Ибрахим-султана

...Когда младший сын Элдан[-тайши], которого звали Абу-шах, спустился с гор, [Бахрам-]султан со всеми эмирами выступил из города, чтобы с ним встретиться. После встречи они устроили кал-

макам маджлис. Калмаки схватили султана, Гийас-бека и еще кое-кого. Едва мирза Газанфар изготовил крепость к обороне, как Абушах с плененным султаном ушел восвояси. Спустя несколько дней он освободил как [Бахрам-]султана, так и Гийас-бека. В результате этих тревожений и горестей султан заболел водянкой и, проводя десять месяцев в постели, умер. Он прожил двадцать лет [82, с. 249].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Введение (из экономических рукописей 1857—1858 годов).— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 12.
2. Маркс К. К критике политической экономии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 13.
3. Абдурахман-и-тали. История Абулфейз-хана. Таш., 1959.
4. Архив внешней политики России. Ф. Зюнгарские дела, 1744, д. 1.
5. Акимушкин О. Ф. Введение в изучение памятника.— Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника. М., 1976.
6. Акимушкин О. Ф. «Хроника» Шах-Махмуд б. мирза Фазил Чураса (Критический текст, перевод, исследование, комментарий). Автореф. канд. дис. Л., 1970.
7. Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. А.-А., 1959.
8. Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. А.-А., 1948.
9. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.
10. Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья. Фрунзе, 1943.
11. Басин В. Я. Казахстан в системе внешней политики России в первой половине XVIII века.— Казахстан в XV—XVIII вв. А.-А., 1969.
12. Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. А.-А., 1971.
13. Бахрушин С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVI и XVII вв.— «Научные труды». Вып. IV. М., 1959.
14. Бехмаканов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.
15. Бурковский А. Ф. Борьба киргизского народа за свою независимость в первой половине XVII века.— Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.
16. Валиханов Ч. Ч. Аблай.— Собрание сочинений. Т. 1. А.-А., 1961.
17. Валиханов Ч. Ч. Записки о Кокандском ханстве.— Собрание сочинений. Т. 1. А.-А., 1961.
18. Валиханов Ч. Ч. О состоянии Алтышара или шести городов восточной Китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии).— Собрание сочинений. Т. 2. А.-А., 1962.
19. Валиханов Ч. Ч. Очерки Джунгарии.— Собрание сочинений. Т. 1. А.-А., 1961.
20. Валиханов Ч. Ч. Шуна-Батыр (Авантюрист XVIII ст.).— Собрание сочинений. Т. 1. А.-А., 1961.
21. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.

22. Весселовский Н. И. Лекции по истории монголов. СПб., 1909.
23. Государственный архив Омской области. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 38, св. 20.
24. Гафуров Б. Г. История таджикского народа. М., 1955.
25. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926.
26. Джемгерчинов Б. Д. Присоединение Киргизии к России. М., 1959.
27. Джемгерчинов М. К изучению Киргизии XVI—XVIII вв.— «Труды Киргизского государственного университета (Серия исторических наук)». Вып. X. 1967.
28. Жангар. Калмыцкий народный эпос. Элиста, 1971.
29. Диваев А. Мавзолей Кок-Кесене.— «Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии». Т. X. Таш., 1905.
30. Думан Л. И. Аграрная политика Цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII века. М.—Л., 1936.
31. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. X.
32. Журнал капитана от артиллерии Ивана Унковского о пребывании его у контайши Цеван-Равдана (1722—1724 гг.).— «Записки ИРГО по отделению этнографии». Т. X. Вып. 2. СПб., 1887.
33. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.
34. Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане.— Филология и история монгольских народов. М., 1958.
35. Зунгарын бодлогын бичиг (Өмнөд зохиол).
36. Зунгарын бодлогын бичиг (Жинхэнэ зохиол).
37. Иакинф. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. СПб., 1829.
38. Игумнов А. В. Обозрение Монголии.— «Сибирский вестник». Ч. 6. СПб., 1819.
39. Ислам-наме.— Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
40. Ишжамц Н. Монголын ард түмний 1755—1758 оны тусгаар тогтнолын зэвсэгт тэмцэл. Улаанбаатар, 1962.
41. История Казахской ССР. Т. 1. А.-А., 1957.
42. История Каракалпакской АССР. Т. 1. Таш., 1974.
43. История Киргизской ССР. Т. 1. Фрунзе, 1968.
44. История Узбекской ССР. Т. 1. Таш., 1967.
45. Кабиров М. Н. Очерки истории уйгуров Советского Казахстана. А.-А., 1975.
46. Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. Сборник документов и материалов. А.-А., 1961.
47. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
48. Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII—XIX веках (к истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Ташкент, 1968.
49. Кузнецов В. С. К вопросу о владычестве Джунгарского ханства над Восточным Туркестаном.— Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 5. Улан-Удэ, 1970.

50. Левшин А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Т. 2. СПб., 1832.
51. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974.
52. Манас. М., 1960.
53. Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
54. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
55. Материалы по истории русско-казахских отношений. Сборник документов. М., 1956.
56. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607—1636. Сборник документов. М., 1959.
57. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М.—Л., 1941.
58. Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1967.
59. Петров К. И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1961.
60. Пищулина К. А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках.— Казахстан в XV—XVIII веках. А.-А., 1969.
61. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Таш., 1900.
62. Реляция Флорио Беневени из Бухары.— «Записки ИРГО». Кн. IX. СПб., 1853.
63. Ромодин В., Кондратьев А. Опыт сопоставления сведений из китайских, кокандских и русских источников по истории киргизов.— «Советское востоковедение». 1958, № 4.
64. Русские путешественники и исследователи о киргизах. Фрунзе, 1973.
65. Салахетдинова М. А. Сообщения о киргизах в «Хидайет-наме» Мир-Халь ад-дина.— «Известия АН Киргизской ССР (Серия общественных наук)». Т. III. Вып. 2. Фрунзе, 1961.
66. Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.— «Записки ИРГО по отделению этнографии». Т. X. СПб., 1882.
67. Таварих-и гузида-йи нусрат-наме.— Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
68. Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани.— Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
69. Та'рих-и амнийя.— Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
70. Та'рих-и Кашгар.— Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
71. Та'рих-и Рашиди.— Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
72. Тарихи Салатиини Мангитийа (История мангытских государей). М., 1962.
73. Та'рих-и Шах Махмуд бен мирза Фазил Чораса.— Материалы

- по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
74. Тынышпаев. Ак-табан Шубрынды.— «Труды Общества изучения Казахстана». Т. VII. Вып. II. Кызыл-Орда, 1926.
 75. Финшер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
 76. Хасанов А. Некоторые сведения об образовании киргизской народности.— «Труды Киргизского государственного университета (Серия исторических наук)». Вып. X. Фрунзе, 1967.
 77. Центральный Государственный архив древних актов. Сибирский приказ, стлб. 886, стлб. 980.
 78. Центральный Государственный архив древних актов, ф. 119, Калмыцкие дела.
 79. Центральный Государственный архив древних актов, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1630—1736 гг., д. 1.
 80. Чулошников А. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв.— Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Л., 1932.
 81. Шараф-наме-йи шахи.— Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А., 1969.
 82. Шах-Махмуд ибн мйрзэ Фазил Чурас. Хроника. М., 1976.
 83. Шонинбаев Т. Ж. Великое событие в истории казахского народа (к 225-летию присоединения Казахстана к России). А.-А., 1957.
 84. Шонинбаев Т. Ж. К вопросу о присоединении Среднего жуза к России.— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР». Т. 15, 1962.
 85. Шонинбаев Т. Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. А.-А., 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Включение Восточного Туркестана в Ойратское государство	6
Ойрато-узбекские отношения	20
Взаимоотношения монголов с казахскими жузами	31
Монголо-киргизские связи	59
Приложение	66
Литература	82

Ширан Бодиевич Чимитдоржиев

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
МОНГОЛИИ
И СРЕДНЕЙ АЗИИ
В XVII—XVIII вв.

*Утверждено к печати
Институтом общественных наук СО
Академии наук СССР*

Редактор *Н. П. Губина*
Младший редактор *Е. А. Варшавская*
Художник *М. Р. Ибрагимов*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *В. Н. Багрова*

ИБ № 13670

Сдано в набор 3.05.79. Подписано к печати 28.09.79. А-13071. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 4,62. Уч.-изд. л. 4,82. Тираж 1500 экз. Зак. № 290. Цена 70 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28